
Никита Семин
Сын помещика 16

Никита Семин

Сын помещика 16

«Автор»
2026

Семин Н.

Сын помещика 16 / Н. Семин — «Автор», 2026

Роман завершил работу над реформой, но далее оказался в подвешенном состоянии - примут ли ее? Придется ли переделать, или и вовсе - забудут и придется Роману возвращаться домой ни с чем? И это он еще не знает о том, какую подлость готовит ему английский посланник

© Семин Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 12
Глава 3 19
Глава 4 26
Глава 5 33
Глава 6 40
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Никита Семин
Сын помещика 16

Глава 1

17 января 1860 года

Петербург. Доходный дом, где живет Роман

В банях вчера я попарился знатно. Вышел оттуда легкий, с гудящими ногами и ясной головой, будто заново родился. И в этот раз, к моему удовольствию, никого из знакомых там не встретил — ни Мусоргского с его вечными разговорами о музыке, ни кого другого, кто мог бы подойти и завести долгую беседу. Только пар, веники да тишина.

Девушки тоже остались довольны. Особенно Анна. Она хоть и старалась не подавать виду, вчера оттаяла и сама призналась, что соскучилась без общества сестры. А раньше, выходит, все не шла к нам первой — то ли боялась, то ли стеснялась, уж не знаю, чего именно. Но вчера, в банях, все эти неловкости будто выпарились, как мне сказала Настя, когда мы возвращались домой.

Сегодня же меня ждало дело, и я поднялся с утра собранным.

Предстояла первая репетиция с труппой у Венявского. Настя, когда я еще дома сказал ей, что беру ее с собой, сперва не поняла.

— Куда? — переспросила она, округлив глаза.

— В зал Дворянского Собрания. На репетицию. Тебе придется выступать со мной.

Она ахнула и прижала ладони к щекам.

— Выступать? Я?

Но по ее глазам я видел, что это не испуг, а радость, которую она пытается спрятать. Отказываться она и не думала.

— Ну, раз ты так хочешь, — сказала она, будто делая мне одолжение, но щеки у нее уже порозовели.

Александра, само собой, пошла с нами. Насте все так же неприлично выходить со мной «в свет» без сопровождения, и кузине наконец выпало время выполнить свою роль нанятой компаньонки. Дочку она оставить, конечно же, не могла — просто не на кого, вот и прихватила Софью с собой. Так мы и заявились в зал всем составом: я, Настя, Александра и притихшая от любопытства София.

В зале девочке все было в диковинку. Она вертела головой, разглядывая высокие своды, пустые ряды кресел, инструменты, расставленные на сцене, и поминутно дергала Александру за руку, спрашивая то про одно, то про другое. Александра отвечала вполголоса, но и сама с удовольствием поглядывала по сторонам — видно было, что закулисье зала ее занимает не меньше.

Я же приступил к работе.

Первым делом выбрал те песни, где требовалась женская партия. Их набралось несколько, и я заранее знал, какие именно места отдам Насте. Отозвал ее в сторону и передал листы со словами.

— Вот, — сказал я. — Пока учи. Твои куплеты я отметил. Слова запомни, а с мелодией разберемся, как только мы с Венявским распишем партию.

Настя приняла листы, как принимают драгоценность, прижала к груди и закусила губу.

— Я быстро выучу, — пообещала она. — Ты не сомневайся.

Я кивнул и оставил ее на скамье у окна, а сам пошел к Генрику.

Тот уже ждал меня за столиком с нотами, и мы сразу взялись за дело. Начали с тех композиций, которые я еще не выносил на широкую публику. С ними и возни было больше: я напевал мелодию, Венявский слушал, хмурился, иногда просил повторить, потом мы выбирали подходящий инструмент — где уместнее звучать контрабасу, где нужна скрипка, а где не обойтись без гитары или барабанов. Далее записывали ноты, раскладывали партию шаг за шагом, сводя инструменты в единое целое. И постепенно песни из будущего, которые я успел исполнить здесь, ложились на нотный лист, обрастая партиями для скрипки, гитары, контрабаса и ударных.

Работа шла споро. Венявский, как и раньше, понимал меня с полуслова, а там, где я запинался, предлагал решение, опираясь на свой слух и ту мелодию с описанием, что я ему передавал. В некоторых местах появились партии рояля, а кое-где и иные инструменты.

— Здесь хорошо бы оставить воздух, — говорил он, зачеркивая что-то в нотах. — Пусть прозвучит одна скрипка, а потом вступайте вы. Так выйдет сильнее.

Я кивал. В такие минуты я лишний раз убеждался, что не ошибся, обратившись именно к нему.

Александра с Софьей сидели поодаль и нам не мешали. Только когда я начинал петь, чтобы передать тональность композиции для Генрика, Софья замирала и слушала, приоткрыв рот. Настя искоса бросала на меня быстрые взгляды поверх листов, но тут же снова утыкалась в слова, шевеля губами.

День обещал быть долгим, но это была приятная, творческая усталость — не то что бесконечные бумаги и напряжение глаз при свете масляной лампы.

***

Петербург. Департамент мануфактур и внутренней торговли

В департамент Матвей Егорович явился к полудню, когда в приемной было уже не протолкнуться: ходатаи, поверенные, купцы, чиновники с папками. Пахло нагретым сукном, табаком и сыростью, тянувшей от заснеженных улиц. Куропаткин держал под мышкой кожаный портфель с документами на двигатель и терпеливо ждал своей очереди, прикидывая, к кому из знакомых делопроизводителей лучше подойти.

Наконец дверь в один из кабинетов приоткрылась, и оттуда вышел чиновник, с которым Куропаткин был знаком еще по прежним делам — Илья Дмитрич Ремезов, человек пожилой, медлительный, но памятливый и по-своему обязательный. Он заметил Матвея Егоровича, кивнул и приглашающе махнул рукой, зовя его к себе.

— Матвей Егорович, по делу пришли? Проходите, чего в коридоре париться.

Куропаткин прошел в кабинет, уселся на скрипучий стул у стола и разложил бумаги.

— Сегодня, Илья Дмитрич, — начал он, — прошение об оформлении привилегии. Споров не ожидается, — улыбнулся стряпчий. — Мой наниматель придумал двигатель нового типа. Машина уже действующая, вот чертежи, а вот и описание имеется.

Ремезов принял бумаги, принялся неторопливо листать, щурясь и время от времени почесывая переносицу.

— Двигатель, стало быть, — пробормотал он. — А ведь удивительное совпадение, Матвей Егорович. Буквально на днях к нам тоже подавали прошение на двигатель. Тоже нового, как вы изволили выразиться, типа.

Куропаткин замер, но лица не выдал.

— Вот как? — произнес он ровно.

— Именно так, — Ремезов усмехнулся, откладывая чертеж. — Я вот сейчас и подумал: поди ж ты, первый раз на моей памяти за столь короткий срок два совершенно новых, но на диво похожих устройства несут. Раньше все больше прялки да станки, а тут — двигатели. Курьез, да и только. Но ваш, сколько я вижу, от того отличается. Тот, прежний, попроще устроен. Ваш посложнее и, пожалуй, поинтереснее.

Он произнес это без задней мысли, по-приятельски, как делятся забавной новостью, и снова уткнулся в бумаги. Куропаткин же сидел, держа руки на коленях, и чувствовал, как внутри у него все подобралось.

Значит, не зря Винокуров предупреждал.

— Илья Дмитрич, — сказал он, понизив голос. — Благодарю за сведения. Они для меня дорогого стоят. И вот что еще попрошу.

Ремезов с удивлением поднял голову.

— Слушаю.

— Пусть тот стряпчий, что подавал на конкурирующий двигатель, не узнает о моем хождении сюда и о моем прошении. Хотя бы до поры. Мне лишняя огласка ни к чему.

Чиновник посмотрел на него понимающе.

— Само собой, Матвей Егорович. Мы чужие тайны выдавать не приучены. Дело ваше пройдет своим чередом.

— Вот и славно.

Они еще немного поговорили о порядке рассмотрения, после чего Куропаткин оставил бумаги, расписался, где надобно, и откланялся.

На улицу он вышел в смешанных чувствах.

С одной стороны, он был рад, что Винокуров его предупредил о возможном появлении конкурента. Стало быть, юноша не из мнительности это придумал, а знал, о чем говорит. И то, что эти сведения подтвердились буквально в первое же посещение департамента, лишь укрепляло доверие к нанимателю.

С другой — Куропаткин не ожидал, что все выйдет так скоро. Он-то думал, что конкуренты обнаружатся позже, при рассмотрении, когда будут проверять, есть ли похожие привилегии, а вышло, что он едва не столкнулся с ними лоб в лоб.

Впрочем, беды в том не было. Даже если их дела и пересекутся, ничего худого сделать против той, другой стороны он не сможет — да и не станет. Тот стряпчий регистрирует изобретение своего нанимателя, он, Куропаткин, — своего. Сходство меж ними лишь в том, что оба двигателя нового типа. А вот устройство разное, и по всем статьям двигатель Винокурова должен выйти лучше. Матвей Егорович был в этом уверен, а слова Ремезова эту уверенность лишь укрепили.

И раз так, то и выгода останется за его доверителем. Если кто и заинтересуется приобретением прав на использование привилегии, Винокуров в любом случае останется в выигрыше. И, стало быть, о работе самого Куропаткина станет отзываться с теплотой, а там, глядишь, и новыми делами пожалует.

Мужчина поправил воротник, вдохнул морозный воздух и зашагал к извозчику.

Но где-то глубоко, под всеми этими деловыми расчетами, копошилось и другое чувство — неприязнь. Рассказ Винокурова о том, что у него украли идею и воплотили ее в жизнь, опередив самого юношу, не шел у Куропаткина из головы. И оттого к стряпчему упомянутых юношей Лисовых, как и к самим Лисовым, Матвей Егорович теперь относился с глухим недоверием.

Есть люди, с которыми дела-то вести вроде и можно, но руку им хочется жать только через платок. Куропаткин еще не знал их в лицо, но уже чувствовал, что с той стороны ждать честности не стоит.

***

Петербург. Доходный дом, где живет Роман

Домой мы вернулись уже затемно. Настя всю дорогу пересказывала, как учила слова, и спрашивала, не подведет ли она меня перед труппой; Александра шла следом, ведя за руку сонную, но все еще возбужденную Софью. Я слушал их вполуха, а сам думал о том, что аран-

жировки сдвинулись с мертвой точки, и завтра можно будет уже не начерно, а по-настоящему погонять музыкантов по партиям.

У самой двери, на лестничной площадке, нас ждали.

Возле порога топтался невысокий мужчина в добротном, но скромном пальто и припорошенной снегом шапке. По виду — мелкий приказчик, из тех, что бегают по чужим поручениям и умеют ждать часами, не выказывая нетерпения. Увидев меня, он оживился, шагнул навстречу и поклонился.

— Роман Сергеевич Винокуров? — спросил он, хотя по глазам было видно, что мой словесный портрет у него был и меня он узнал. Но от уточняющего вопроса не отказался.

— Он самый, — отозвался я, останавливаясь.

— Слава богу, дождался! — приказчик улыбнулся с облегчением. — Я к вам по делу. Прошу простить, что без предупреждения, но оно не терпит отлагательств. Мой господин, купец из Москвы, человек крайне занятой.

Я насторожился. Московский купец ко мне раньше не жаловал, и с чего бы вдруг посылать человека в такой час?

— Какого купца? — спросил я.

— Господина Сычева, — ответил приказчик. — Он от Виталия Степановича Костовича узнал, что по вашей идее создан новый двигатель. И теперь желает обсудить с вами возможность покупки привилегии на его использование.

Вот оно что. Костович, стало быть, уже успел с кем-то поделиться, и слух о двигателе покатился по городу быстрее, чем я думал. С одной стороны, это было даже лестно: не успел оформить бумаги, а уже покупатель на пороге. С другой — время для визита приказчик выбрал самое неподходящее.

— Погоди, — я покосился на темное окно на лестнице. — На дворе поздний вечер. Куда же я сейчас поеду?

Приказчик, кажется, искренне удивился.

— Так ведь господин Сычев завтра утром покидает столицу, — пояснил он. — Потому и велел мне вас сыскать без промедления. А что до позднего часа, так что ж тут такого? Как мне известно, господа ведь обыкновенно бодрствуют до середины ночи, а отсыпаются уже до полудня.

Он сказал это так простодушно, что я невольно усмехнулся.

— Не все, братец, — покачал я головой. — Я привык быть ранней пташкой. Мне вставать ни свет ни заря, а не валяться до обеда.

Приказчик развел руками, давая понять, что не ему судить о господских привычках, и снова поклонился.

— Как прикажете, Роман Сергеевич. Только господин Сычев велел передать: он утром отбывает, и если вам угодно с ним переговорить, то только нынче вечером. Упустите — уж не обессудьте.

Я задумался. Ехать куда-то на ночь глядя не хотелось. Но упускать первого, пусть и нежданного, покупателя было бы глупо. Привилегия еще не оформлена, а человек уже интересуется. Такие люди на дороге не валяются, и если он завтра уедет, то второго случая может и не представиться. Московский купец — это само по себе можно назвать «брендом», у него должны быть и связи, и деньги, и разговор с ним мог выйти полезным, даже если до сделки сейчас не дойдет.

— Хорошо, — решил я наконец. — Поеду. Дай мне четверть часа привести себя в порядок.

Приказчик просиял.

— Благодарствуйте! Я подожду вас внизу и извозчика кликну.

— Не надо извозчика. Поедем на моей карете, — качнул я головой.

Я отпер дверь и пропустил своих вперед. Настя тотчас обернулась.

— Ты опять уходишь? — спросила она, и в голосе ее не было упрека, только усталая тревога.

— Ненадолго, — ответил я, стягивая шинель. — Купец один интересуется двигателем. Завтра утром уезжает, иначе бы никуда не пошел.

— Вечером? — Александра поджала губы. — Не нравится мне это.

— Мне тоже никуда идти не хочется, — признался я. — Но терять покупателя хочется еще меньше.

Я быстро умылся, переодел рубаху, накинул сюртук потеплее и снова вышел в прихожую. Настя стояла у двери, кутаясь в платок.

— Ты только осторожнее, — тихо сказала она.

— Обещаю, — я поцеловал ее в лоб и взялся за шинель. — Ложитесь, не ждите. Я скоро.

Внизу, у подъезда, меня и правда дожидался приказчик. Я велел Тихону править туда, куда укажет этот господин, и карета тронулась. Приказчик расположился рядом с Тихоном на облучке, а я смотрел, как за окном проплывают темные, притихшие улицы, и гадал, насколько серьезны намерения у этого господина Сычева и что он мне предложит.

К дому купца мы подъехали минут через двадцать. Приказчик первым соскочил с кареты, поднялся на крыльцо и постучал. Дверь отворилась почти сразу — нас точно ждали, и я следом за ним вошел в теплую, ярко освещенную прихожую.

Хозяин встретил меня сам. Сычев оказался мужчиной лет сорока пяти, плотным, с окладистой темной бородой, в расстегнутом сюртуке поверх шелковой рубахи. Пахло от него дорогим табаком и, кажется, хорошим вином. Он оглядел меня с головы до ног, улыбнулся широко, по-купечески, и протянул руку.

— Роман Сергеевич! Простите, что выдернул вас на ночь глядя. Купец без дела не бывает, а завтра мне уже в дорогу. Прошу, прошу, — он жестом пригласил меня внутрь.

Мы прошли в гостевой зал, и там я невольно притормозил. Стол был накрыт так, будто к ужину готовились целый день: закуски, рыба, дичь, графины с вином, фарфор и серебро. Вдоль стен стояли горничные — молодые, миловидные, в алых сарафанах и белых передниках. Все они, едва я вошел, разом опустили глаза, но тут же снова подняли и принялись мне улыбаться — мягко, зазывно, как умеет улыбаться только прислуга в богатых домах, которой хорошо платят за то, чтобы гостю было приятно смотреть.

Сычев уселся во главе стола, а меня усадил по правую руку. Горничные засуетились: одна наполнила бокалы, другая пододвинула тарелку, третья склонилась рядом, поправляя салфетку, и я почувствовал запах ее духов — сладкий, приторный. Что удивительно, обычно слугам духи не дают.

Купец, заметив мой взгляд, довольно хмыкнул.

— Хороши? — спросил он, кивая на девушку. — У меня к гостям особый подход. Вы, Роман Сергеевич, не стесняйтесь.

С этими словами он развернулся и, когда одна из горничных проходила мимо с блюдом, звонко хлопнул ее по заду. Девушка даже не дернулась, только улыбнулась еще шире, будто это было в порядке вещей.

— Стеснение тут лишнее, — продолжил Сычев, подмигнув мне. — Коли приглянется какая, так после ужина и ночку с вами скоротает. Они у меня привычные, не откажутся.

Я вежливо качнул головой.

— Благодарю за радушие, но мне бы о деле. Да и поздно уже.

Сычев рассмеялся, но настаивать не стал.

— Дело так дело. Понимаю.

Он откинулся на стуле, взял бокал, покрутил в пальцах.

— Расскажу, как есть. Держу я несколько мельниц, хочу поставить еще с десяток. Да вот беда: ветряную мельницу абы где не поставишь — нужен ветер, не всякое место для нее подойдет. И чтобы к мельнице подвозить зерно было удобно, да увозить потом муку. Что опять же сужает круг поиска подходящих мест для ее постройки. А паровой котел — штука дорогая, дров и угля жрет безбожно, да и возни с ним много. И тут узнаю через своего человека про некоего инженера, который ищет людей, заинтересованных в новом двигателе.

Я слушал и потихоньку сопоставлял. Выходило, что приказчик мне не соврал, и Костович правда ищет охочих до новинки людей. Я, правда, просил Виталия Степановича лишь составить список производств, где двигатель можно применить прямо сейчас, а про поиск покупателей мы не договаривались. Но инженер, судя по всему, решил проявить инициативу. Что ж, она привела меня за стол к живому покупателю.

— Сколько вы хотите за свой двигатель? — спросил Сычев без обиняков.

Я не стал торопиться.

— Точную сумму пока назвать не могу. Привилегия еще до конца не оформлена. Сколько выходит создание одного двигателя — тоже не подсчитано. Да и с Костовичем надобно обсудить, где и в какие сроки он сможет изготовить нужное вам количество.

Сычев понимающе кивнул.

— Это все пустое. Можно составить предварительный договор, а сумму вписать позже. Мне, главное, чтобы я был первым и чтобы двигатель ваш не вышел дороже парового котла. Тогда мы с вами, Роман Сергеевич, в большой прибыли останемся.

Я взвесил его слова. Предложение было разумным.

— В целом я не против, — ответил я. — Но сделку хочу оформить через стряпчих, чтобы все по закону и без недомолвок.

— Через стряпчих так через стряпчих, — легко согласился купец. — У меня свой поверенный есть, если у вас он тоже имеется, то сведем их, пусть бумаги готовят.

Он поднял бокал.

— Ну а пока — выпьем за наш будущий успех.

Я взглянул на часы. Время позднее, за день я намотался так, что глаза уже слипались. Но отказывать в такой момент было бы неловко — уйти на плохой ноте, огорчив хозяина отказом, значило испортить весь вечер, который начинался вполне ладно. Потому я взял свой бокал и кивнул.

— За успех.

Вино оказалось терпким, густым. Я сделал глоток, другой. Сычев что-то говорил — про мельницы, про муку, про то, как поведет дело, но голос его доносился до меня все глуше.

Меня вдруг сильно, неудержимо начало клонить в сон.

Я сжал ножку бокала, попытался выпрямиться, но тело будто налилось свинцом. Голова качнулась, свет люстры расплылся перед глазами, и голос купца утонул в каком-то теплом, вязком гуле.

Глава 2

17 января 1860 года

Петербург. Дом купца Сычева

Я приходил в себя медленно, будто выныривал из теплой, вязкой тьмы. Сначала — глухой гул голосов, неразборчивый, как сквозь подушку. Потом — странное чувство, от которого все внутри напряглось: я лежал на чем-то мягком и при этом был полностью раздет. Кожей ощущал прохладный воздух, чужую постель, а главное — чьи-то прикосновения.

Понять, что происходит, сразу я не смог, но разум оказался сильнее инстинкта, а потому я не стал тут же дергаться и подавать вид, что очнулся. Лежал, не меняя дыхания, и лишь слегка приоткрыл глаза, чтобы оглядеться.

Свет был приглушенный, теплый, от лампы где-то в стороне. И постепенно я начал различать голоса.

В ногах у меня сидела девушка. Тоже совершенно обнаженная. Она наклонилась надо мной, и ее волосы щекотали мне живот, а губы и язык работали быстро, умело. Ее голова ходила вверх-вниз, а пальчики игрались с моим достоинством, стараясь возбудить, и, судя по всему, она почти добилась нужного эффекта. От этого открытия меня захлестнуло омерзение пополам с ледяной яростью, но я заставил себя не шевелиться.

Рядом с кроватью стоял какой-то мужчина. Одетый, в темном сюртуке, и возле него, на треноге, был установлен фотографический аппарат. Именно он негромко, с нажимом препирался с голым подростком, который стоял чуть поодаль, прикрывая руками свой пах, и плаксиво, испуганно скулил.

— Говорю тебе, сейчас она поднимет уд этому дворянчику, — цедил мужчина, не оборачиваясь. — И ты сделаешь, что велено. Понял?

— Да как же так… — хныкал подросток. — Это же не по-божески… Так нельзя, господин…

— Не по-божески ему! — передразнил фотограф. — Ты приказ своего господина слышал? Слышал. А коли не выполнишь — сам знаешь, что с тобой будет. И с родными твоими тоже. Скажи еще спасибо, что тебе Мирка помогает, а не ты сам сейчас вместо нее корячишься.

Подросток всхлипнул и съежился. Мужчина стоял, не глядя на него, и поправлял что-то в аппарате, прикидывая, должно быть, как лучше снять все это безобразие.

И тут до меня дошло окончательно.

Они хотели скомпрометировать меня. Снять на фотографию так, чтобы вышло, будто я — содомит, любитель мальчиков. Чтобы потом этой карточкой можно было шантажировать или уничтожить меня в глазах света. Не просто обокрасть, не просто подставить — а втоптать в грязь так, чтобы никто никогда не подал мне руки.

Этого я вынести не смог.

Я резко сел, отталкивая от себя девушку. Она отшатнулась, взвизгнула и полетела с кровати на пол. Но я на нее уже не обращал внимания. Эта девка уже почти добилась того, чего хотела, и от этого меня замутило еще сильнее.

— Вы что творите?! — рявкнул я, вскакивая.

Мужчина с подростком вздрогнули. Юнец замер с открытым ртом, фотограф попятился, едва не опрокинув аппарат, и вдруг заорал:

— Он очнулся! Сюда! Скорее! Он очнулся!

Я уже его не слушал. Судорожно оглядывался по сторонам, ища свою одежду. Где она? Куда они дели мои вещи? Взгляд метался по комнате — наконец я заметил их сваленными на стуле у стены. Подскочив, я схватил штаны, принялся быстро их натягивать, не сводя глаз с двери.

Как я здесь очутился, я разберусь потом. Сейчас главное — выбраться из этого места. Пока сюда не набежали те, кого звал на помощь фотограф.

Штаны я натянул, рубаху через голову дернул так, что затрещали швы, и уже почувствовал себя куда увереннее. Сама возможная драка меня не пугала — тренировки, которыми я занимался с самого приезда в этот мир, приучили тело думать быстрее головы. А одежда на мне придала больше уверенности, убрав стыд и омерзение от того, что стою голый перед чужими людьми.

Дверь распахнулась, и в комнату ввалились двое крепких мужиков. Оба коренастые, с бычьими шеями, в рубахах с закатанными рукавами. Увидели меня — и кинулись разом, не раздумывая.

Первого я встретил прямым ударом в пах. Он даже не успел замахнуться — сложился пополам, заскулил и осел на пол, держась обеими руками за промежность. Второй попытался схватить меня за плечо, обходя напарника. Но я легко ушел вбок, перехватил его руку и с силой впечатал локтем в скулу. Голова его мотнулась, он зашатался, и тогда я добавил коленом под ребра. Мужик охнул и рухнул рядом с первым.

Драка вышла короткой. Оба валялись на полу, а я, тяжело дыша, огляделся и поспешил надеть оставшиеся вещи.

Сюртук. Сапоги. И — главное — кобура с револьвером. Ее я заметил на комоде, к своему удивлению и облегчению. А ведь могли унести. Стало быть, торопились, не проверили, или считали, что я не очнусь до конца их представления. Тем хуже для них.

Я выхватил револьвер, проверил барабан. Заряжен. Я всегда патроны в него вставляю перед выходом на улицу. Уже и в привычку вошло, а никто разряжать его не стал. Взведя курок, я двинулся к выходу.

В коридоре, навстречу мне, уже спешил знакомый купец. Тот самый, что звал меня «совершить сделку». Лицо у него было растерянное и злое одновременно — он не ожидал, что я встану, и явно уже прикидывал, как вывернуться.

И тут меня накрыло.

Я понял все разом: вино, от которого меня так резко сморило, было не простым. Он опоил меня за своим же столом, пока разыгрывал радушного хозяина. А разговор фотографа с подростком, который я слышал, красноречивее любых слов объяснял, чего этот купец хотел добиться.

Ярость вспыхнула во мне, как порох. Я вскинул револьвер и, не целясь, выстрелил.

Грохнуло. Купец дернулся, глаза у него округлились, и он начал оседать, хватаясь за живот. Хоть я и тренировался стрелять по конечностям, но сейчас, в порыве ярости, у меня было лишь одно желание — уничтожить этого мерзавца, что посмел со мной так поступить. Он согнулся, повалился на бок, зажимая рану руками, а из-под пальцев уже текла темная кровь.

Лишь этот вид меня немного образумил и я не стал стрелять второй раз. Просто прошел мимо. Хотя и не удержался, и на ходу, на остатках бушующих во мне эмоций, пнул его — не со всей силы, но чувствительно. Купец взвыл и скрючился еще сильнее.

Дальше я не оглядывался. Только вперед, к выходу, на воздух, на мороз.

На улице было темно. Я вылетел из двери, озираясь, и в полутьме искал взглядом свою карету. Где Тихон? Неужели и его куда-то дели?

Но нет. Он выскочил из-за кареты и бросился ко мне.

— Барин! Что случилось?! Мне послышалось, будто стреляли? — взгляд у него был встревоженный, испуганный, он хватал меня за рукав, будто проверяя, цел ли я.

— Потом, — бросил я. — Вези домой. Немедленно.

Он кивнул, дождался, когда я сяду в карету, запрыгнул на облучок, и мы рванули.

Карета катила по пустым ночным улицам, подпрыгивала на ухабах, а я сидел, сжимая в руке еще теплый револьвер, и пытался собраться с мыслями. Сердце колотилось, в висках стучало, перед глазами все еще стояла скрюченная фигура купца.

Что теперь? Что делать?

Первые эмоции постепенно отходили в сторону, уступая место холодному рассудку. И тут я понял.

Нельзя ждать. Купец или его люди могут заявить в полицию первыми, выставить меня пьяным скандалистом, а то и убийцей. Нужно опередить их. Самому прийти и подать свою версию, пока они не сочинили свою.

Я постучал кулаком в переднюю стенку кареты.

— Тихон!

— Слушаю, барин!

— Не домой. Сначала — в участок.

— В участок? — переспросил он растерянно.

— В полицейский участок, говорю. Гони.

Тихон не стал спорить, только нахлестнул лошадей, и карета свернула в боковую улицу.

В участке меня встретил дежурный офицер — заспанный, недовольный, но быстро подобрался, когда я назвал себя и сказал, что хочу подать заявление. Я коротко, без лишних подробностей, но твердо изложил: купец Сычев заманил меня к себе, опоил, а когда я пришел в себя, его люди пытались меня обесчестить и снять на фотографию. Я защищался. И выстрелил.

Офицер слушал, хмуря брови, и по мере моего рассказа все мрачнел.

— Стало быть, вы стреляли в купца? — переспросил он.

— Стрелял, — не стал я отпираться. — Защищаясь. И хочу, чтобы это зафиксировали.

Он постучал пальцами по столу, потом встал.

— Тогда, господин Винокуров, прошу вас проехать с нарядом городовых до дома купца. Покажете его. Да и осмотреть его надобно — жив ли еще.

— Поедем, — согласился я без колебаний.

И уже через несколько минут я снова трясся в карете, но теперь следом за нами ехали полицейские, а впереди, в полутьме, вырастал тот самый дом, из которого я только что бежал.

Когда мы подъехали к дому купца, у ворот уже толпились перепуганные слуги. Городовые первыми соскочили с пролетки, я вышел следом, и мы вошли внутрь.

В гостевом зале было по-прежнему тепло и ярко, только теперь посреди этой роскоши на полу, на расстеленной скатерти, лежал Сычев. Он был бледен, как полотно, губы посерели, по лбу катился пот, а руки, прижатые к животу, были в засохшей и свежей крови. Но он был в сознании — глаза его, мутные от боли, метнулись ко мне, к городовым, и он задышал чаще.

— Грешен я, — выдавил он вдруг, и голос у него был слабый, прерывистый. — От того господь меня и покарал.

Дежурный офицер шагнул вперед, оглядел раненого и рявкнул, обернувшись к слугам:

— Врача! Живо!

— Уж послали, ваше благородие, — залепетал кто-то из прислуги. — Сейчас прибудет.

Офицер кивнул и, не теряя времени, присел на корточки рядом с купцом.

— Пока врач едет, расскажи, что тут было. Понимаю, что тебе худо, но дело серьезное. Молчать нельзя.

Сычев с трудом облизнул пересохшие губы.

— Батюшку… — прохрипел он. — Позовите батюшку. Хочу покаяться. Умираю ведь.

Офицер глянул на меня, потом на городовых.

— Исполните, — бросил он. — Пошлите за священником.

Один из городовых выскочил за дверь, а офицер снова повернулся к купцу.

— Священник будет. Но и ты не тяни. Пока жив — говори.

И Сычев заговорил.

Говорил он через силу, с паузами, то и дело зажмуриваясь от боли, но запираться не стал. Признался, что его шантажом заставили заманить меня к себе, опоить и подставить. Сначала-то, по его словам, задумка была иная: сделать фотографии, будто дворянин развлекается с девицами. Дело постыдное, но не смертельное — огласка, пересуды, грязный намек. Однако потом тот, кто ему приказал, вдруг переменил решение.

— Велел, чтобы… с мальчишкой, — выдохнул купец, отводя глаза. — Чтобы все натурально вышло. И сняли.

У меня внутри все похолодело, хотя я и так уже понял, что увидел в той комнате. Но слышать это подтверждение из уст самого купца было все равно, что второй раз пережить ту дрянь.

— Кто приказал? — спросил офицер жестко. — Назови.

Сычев скривился, прижал ладони к ране.

— Он меня держал… у него на меня бумаги есть… такие, что и меня, и детей моих по миру пустят. Я не своей волей, ваше благородие. Не своей волей.

— Имя! — потребовал офицер.

Купец зашевелил губами, и с его уст сорвалось имя. Я стоял рядом, вслушиваясь, но имя это мне ничего не сказало. Ни знакомого лица, ни известной фамилии — пусто. Какой-то человек, о котором я прежде никогда не слышал.

Тут как раз дверь отворилась, и в зал вошел священник — пожилой, с растрепанной бородой и в наскоро накинутой рясе, видно, что его только что выдернули из постели. Он быстро перекрестил комнату и опустился рядом с раненым.

— Идите, — сказал он негромко. — Оставьте нас. Ему перед богом ответ держать.

Офицер поднялся, и мы отошли в сторону, а купец зашептал, и священник склонился к нему, накрыв его голову епитрахилью.

Я задержался в том доме еще часа на два.

Стоял у окна, смотрел на темную улицу и слушал, как за спиной суетятся городовые, как приехал врач, как купца перекладывали и бинтовали. Видел мрачное лицо доктора и его негромкие слова полицейскому: до утра не доживет. Мне же нужно было узнать — кто? Кто решил так жестоко подставить меня и для чего? Но имя, которое назвал Сычев, не дало мне ровным счетом ничего. Я перебирал его в памяти и так и эдак, пытался привязать хоть к кому-то — не выходило. Незнакомец. Тень.

Домой я вернулся в середине ночи.

В квартире было тихо, но не темно: в гостиной горела одна лампа, и Настя сидела в кресле, закутавшись в платок. Она не спала.

— Ты же сказал, что скоро, — тихо сказала она, поднимаясь мне навстречу, и в голосе ее было больше усталости, чем упрека.

— Я знаю, — я устало стянул шинель. — Так вышло. Ложись, уже поздно.

Она подошла ближе, вгляделась в мое лицо.

— Что случилось? У тебя вид совсем не спокойный.

— Все хорошо, — соврал я. — Потом расскажу.

— Нет, — покачала она головой. — Ты бледный. И глаза у тебя чужие. Я не смогу уснуть, пока не узнаю.

Я вздохнул, погладил ее по щеке.

— Утром. Сейчас мне нужно отдохнуть, и тебе тоже. Обещаю — утром все расскажу, как было.

Настя поджала губы, но все же кивнула.

— Хорошо. Утром так утром.

Она нехотя пошла к себе. А я проводил ее взглядом и только собрался сесть, как в дверях девичьей комнаты показалась Александра. Растрепанная, в накинутом на плечи халате, с припухшими от сна глазами — но взгляд у нее был цепкий, ясный.

— Разбудили? — спросил я виновато.

— Я и не спала толком, — ответила она. — Прислушивалась.

Она прошла в гостиную, села в кресло и указала мне на место напротив.

— Роман, — начала она негромко, — я в высоких кругах не вращаюсь, но в Петербурге живу дольше тебя. Может, и пригожусь. Расскажи, кто тебя так поздно ночью позвал. Какой-нибудь давний знакомец?

Я качнул головой.

— Нет. Купец один.

Александра поджала губы и посмотрела на меня с горечью.

— Видимо, не только мои родители не смогли привить своей дочери нормы этикета. Твои, выходит, тоже.

Я насторожился.

— Почему ты так считаешь?

— Присядь, — повторила она.

Я все же опустился в кресло напротив нее.

— Зачем ты поехал к купцу в столь поздний час? — спросила она.

— Он пообещал хорошую сделку, а ждать не мог, — ответил я.

Александра помолчала.

— Неужели у тебя такая острая нужда в деньгах? — спросила она тихо. И тут же поспешно добавила: — Прости, если мы с дочерью тебя стесняем.

— Острой нужды нет, — покачал я головой.

— Вот как? Тогда вдвойне странно, что ты согласился. Послушай, как это выглядит со стороны. Ехать на встречу с незнакомым купцом по его настоятельному предложению, да еще и ночью, — заговорила Александра, глядя мне прямо в глаза, — для дворянина означает одно: признать себя нуждающимся. Понимаешь? Купец, какими бы миллионами он ни ворочал, по статусу ниже дворянина. Так устроено. И когда дворянин срывается поздно вечером по первому зову купца, он сам себя ставит в положение просителя. Роняет честь.

Я слушал и молчал. Внутри у меня все взбунтовалось, но возразить было нечего. Я смотрел на это дело с деловой стороны — как человек моего прежнего мира, где выгода и время решают больше, чем сословные условности. А она смотрела со стороны этой жизни. И выходило, что я снова сделал то, что здесь считается непозволительным.

— Вот и выходит, — продолжала Александра с горькой усмешкой, — что не только мои родители не донесли до своей дочери все нормы поведения дворянина. Твои тоже не смогли. Я пошла им наперекор, выйдя замуж за простолюдина, и за это меня вычеркнули из семьи. А ты вот поступил, не оглядываясь на дворянскую честь.

Она помолчала, потом добавила уже мягче:

— Но будь ты иным, ты, наверное, никогда бы не приютил меня с дочерью. Так что это не укор тебе, Роман. Просто взгляд со стороны.

Я поднял на нее глаза.

— Спасибо, — сказал я. — За то, что сказала, как это выглядит.

Александра кивнула, поднялась и, запахнув поплотнее халат, ушла к себе. Вскоре скрипнула дверь, и в квартире снова стало тихо.

Я остался в кресле один, глядя на притушенный огонек лампы.

Почему я так поступил? Почему не отказал приказчику, не отложил разговор до утра, не вспомнил, что здесь я не просто человек, желающий выгодно продать изобретение, а дворянин, за каждым шагом которого следят десятки глаз?

Я долго ворочал этот вопрос в голове, сидя в полутемной гостиной, и ответ выходил до обидного простым.

Я в этом времени чуть больше, чем полгода.

Этого мало. Слишком мало, чтобы усвоить все невидимые нити межсословного общения, на которых здесь все держится. Я выучил слова, перенял манеры, научился кланяться, кому следует, и молчать, где положено. Но глубинная, вбитая с детства привычка чувствовать сословную дистанцию — ее за полгода не наживешь.

С крестьянами мне ее, можно сказать, вбили силой.

Когда я только оказался в этом теле, «правильное» отношение к крестьянам мне вколотил отец. Буквально. Заставив отходить плетью нашего конюха за то, что тот посмел, пусть и в пьяном виде, поднять на меня руку. Акима. Да, не я отходил его потом до полуживого состояния — отец сам взялся за плеть. Но факт остается фактом: конюх умер. И с того времени я уже не мог относиться к крестьянам как к равным. Не потому, что стал считать их ниже, а потому, что понял: здесь за смерть мужика никакого наказания ни мне, ни отцу не будет. И сами крестьяне не стали хуже к нам относиться, приняв случившееся как должное. Вот это «как должное» и перевернуло во мне все. К тому же смерть Акима не прошла для меня бесследно. Я стал

стараться держать с крестьянами дистанцию еще и затем, чтобы они не получили наказания от других дворян, если забудутся и в их присутствии станут со мной говорить на равных.

Потом я стал вращаться в светских кругах. Там я действовал по правилу: с волками жить — по-волчьи выть. Волей-неволей, а приходилось держать в подсознании, что я — дворянин, и каждый мой шаг должен соответствовать статусу. И стоило хоть раз об этом забыть, как тут же прилетало. Одна размолвка с Еленой Павловной чего стоит, когда я посмел разговаривать с ней почти как с равной. Та ее обида аукнулась мне больно, а меня «поставили на место». Тоже не самое приятное ощущение, которое заставляет произвести переоценку своих отношений к людям.

Но с купцами я прежде имел мало дел. Потому и подобных ошибок не возникало: встреча назначалась заранее, я приходил на нее, решал деловые вопросы и уходил. Или, как с Кулаковым когда-то получилось. Он сам догнал наш караван и предложил сделку, все это было в рамках приличий — нижестоящий по статусу примчался к вышестоящему. Урона чести ни для меня, ни для него не случилось. А я тогда и не думал, как это выглядит со стороны.

Теперь, разбирая собственное поведение, я понял: к купцам я относился почти как к дворянам.

И тут опять не последнюю роль сыграл отец. Он ведь не постеснялся договориться о свадьбе моей сестры Людмилы с сыном купца. А у того, к слову, фамилия тоже Сычев. Может, и это повлияло.

Получалось, что на мой поступок наложился целый ряд факторов. Тут и мировоззрение из прошлой жизни, где на выгодное деловое предложение надо реагировать сразу, пока не упустил. И то, что купцов я больше воспринимал как «бизнесменов» этого времени — людей дела, с которыми можно и нужно говорить на равных, особенно если купец состоятелен. И то, что отец готов породниться с купцом, как бы ставя их в один ряд с собой. И, скорее всего, сама фамилия «Сычев». Услышав ее, я даже не вспомнил, что такую же носит купец из Дубовки, с которым я уже заключил договор по поставкам игрушек. Подсознание не нашло ничего зазорного в том, чтобы встретиться с местным «Сычевым».

А ведь не согласись я на уговоры приказчика — ничего подобного бы не случилось. Я бы спокойно лег спать, утром поехал на репетицию, и весь этот кошмар остался бы чьей-то несбывшейся задумкой.

Но с другой стороны, не поедь я туда, я бы так и не узнал, что у меня существует недруг, готовый уничтожить мою репутацию в неизвестных мне целях. Потому и выходило — сам я вроде как дурак, а профит все же есть: теперь я знаю, что есть враг, который не остановится ни перед чем.

Осталось выяснить, кто это. Фамилия у меня уже есть. Надо лишь навести справки об этом человеке.

Для этого надо обязательно завтра снова сходить в полицию и спросить, что им известно. А еще — нанять стряпчего. Убийство купца, а я сомневался, что он выживет, несмотря на помощь прибывшего доктора — не то у него ранение, которое может исцелить нынешняя медицина, наверняка приведет к скорому суду. И к этому суду надо быть готовым себя защитить.

Я потер лицо ладонями, поднялся с кресла и пошел к себе. Мысли больше не крутились по одному кругу — они выстроились в ясный, холодный план. Плохо, что все так вышло. Но отступать некуда.

Глава 3

18 января 1860 года

Петербург. Набережная Фонтанки

Утром князю Долгорукову докладывали о ночном происшествии с Романом Винокуровым.

Докладчик — тот же сухой, подтянутый офицер, что приходил накануне — стоял посреди кабинета, держа перед собой папку, и говорил ровно, без лишних слов. Василий Андреевич слушал его, постукивая пальцами по столу, и по мере рассказа брови его сходились все ближе к переносице.

— Ночью Винокуров побывал в доме купца Сычева, — начал офицер. — Как мы выяснили, был заманен туда под предлогом сделки, опоен. Люди купца пытались снять с ним порочащие снимки. Юноша очнулся, отбился и стрелял в хозяина.

Долгоруков поднял на него тяжелый взгляд.

— А почему он вообще согласился идти к какому-то купцу на ночь глядя?

— Мотивов самого юноши мы не знаем, — признался жандарм. — Явной нужды в деньгах по нашим сведениям Винокуров не имеет. Что конкретно ему говорил приказчик купца, который и зазывал Винокурова, сейчас выясняем. Предполагаю — Винокурова просто обуяла жадность и жажда наживы. Либо он падок на лесть, потому и согласился.

— Выясняйте, — хмуро бросил Долгоруков. — Вы сказали, что его опоили и хотели очернить. Это точно? — переспросил он. — Кому же это Винокуров успел перейти дорожку, что с ним решились на такую подлость?

— Так точно, сомнений в действиях купца не имеется. Он сам во всем признался дежурному офицеру полиции, прибывшему на место. Что касается вашего второго вопроса…

Офицер помедлил, будто собираясь с мыслями, и продолжил:

— Есть еще одно обстоятельство, ваше сиятельство. Рядом с домом купца были замечены те же люди, что следили за Винокуровым у Зимнего дворца.

Князь подался вперед.

— Те самые? Ты не ошибаешься?

— Никак нет, ваше сиятельство. Наши люди опознали их по описанию. Наблюдатели оставались у дома до того момента, как внутри раздался выстрел. Затем Винокуров спешно покинул дом, но сторонние наблюдатели за ним не пошли. Напротив — через одного из слуг связались с людьми, что были внутри. Наши люди не пошли за юношей именно потому, что заметили это, а в их задачу входило отслеживать посторонних, что они и делали.

Долгоруков медленно откинулся в кресле.

— И что потом?

— После разговора со слугой неизвестные поспешили покинуть окрестности дома купца. Наши люди проводили их.

— И куда же они направились? — спросил князь.

— На Английскую набережную, ваше сиятельство. Там их след потерялся.

Вот тут Василий Андреевич удивился по-настоящему. Он даже не сразу нашелся, что сказать — несколько секунд смотрел на офицера, будто ожидая, что тот поправится или добавит что-то еще, отчего все встанет на свои места.

— Английская набережная, — повторил он наконец. — А где это Роман успел британцам дорожку перебежать?

Офицер позволил себе легкое движение плеч.

— Может статься, ваше сиятельство, что сам Винокуров с ними прежде и не пересекался. Любовь англичан к сбору порочащих сведений широко известна. Видимо, не смогли найти ничего подобного за юношей, а потому решили создать такие сведения сами.

Долгоруков ничего не ответил, но мысленно согласился. В словах подчиненного был резон, и резон этот ложился в уже знакомую картину. Юноша стал вхож к императору, за короткий срок приобрел влияние, о котором полгода назад никто и помыслить не мог. Хотя и странно, что он сам ничего не просит за свои труды — может, ожидает, что его «скромность» будет оценена, и он получит куш побольше? У Англии же при дворе Александра Второго позиции куда слабее, чем у той же Пруссии и тем более Франции. Им еще один голос около уха императора лишним не будет. А если около государя возникнет еще один человек, ведущий свою игру, или работающий на их противников — то это им как кость поперек горла.

Князь поднялся и прошелся по кабинету.

— Значит, так, — произнес он. — Держать меня в курсе расследования постоянно. Мне нужно знать, через кого англичане работали, кто был их человеком у купца, и кто давал распоряжения. Как только станет известно хоть что-то — докладывай в любой час.

— Будет исполнено.

Долгоруков остановился у окна, заложив руки за спину. За стеклом серело раннее петербургское утро, по улице тянулись извозчики, и где-то вдалеке, за крышами, угадывалась серая полоса Невы.

Он уже принял решение.

Государь велел не спускать глаз с Винокурова. И он вряд ли будет доволен князем, если узнает о попытке подставить юношу от кого-то иного, а не от шефа третьего отделения. Такое будет выглядеть так, будто Долгоруков не только не уследил, но и позволил чужим людям орудовать в самом Петербурге у себя под носом.

Просить доклада у императора следовало сей же час, пока события не обросли слухами и домыслами. Лучше самому первым положить на стол государю правду, чем дожидаться, пока ее, приукрасив, донесут недоброжелатели.

Василий Андреевич еще раз глянул на офицера.

— Я сейчас попрошусь к государю с докладом. А ты же ступай и займись тем, что я велел.

Офицер поклонился и вышел, а Долгоруков остался у окна, глядя на город, в котором этой ночью кто-то чужой попытался разыграть свою партию. И, как ни странно, именно теперь, когда дело о Винокурове приняло такой оборот, князь вдруг почувствовал себя не сторонним наблюдателем, а одним из тех, кто может разрушить чужую игру и приобрести в глазах императора дополнительное уважение.

***

Петербург. Английская набережная

Сэра Крэмптона разбудили среди ночи. Он лежал в темноте, и спросонья ему понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что настойчивый стук в дверь спальни не прекратится сам собой. Посланник поднялся, накинул халат и отворил. В коридоре, с лампой в руке, стоял его доверенный человек — из тех, кого не принято видеть при дневном свете и чье появление в неурочный час никогда не сулило добрых вестей.

— Провал, сэр, — сказал он негромко.

Крэмптон выслушал эти слова стоя, и лицо его осталось неподвижным. Он давно приучил себя не тратить чувства на то, чего уже не изменить.

Первым делом он отдал приказ, откладывать который было в высшей степени глупо:

— Ликвидировать человека, через которого отдавали распоряжение купцу. Немедленно. Эта нить не должна привести к моему дому.

Подчиненный коротко кивнул. Потом, уже когда распоряжение было отправлено, посланник опустился в кресло и велел рассказывать.

— Почему все сорвалось?

Агент стал отвечать четко, по-военному, но начал с оговорки:

— Сведения получены от слуг купца, сэр. Достоверность их еще предстоит проверить.

И затем принялся рассказывать по порядку.

Снотворное, полученное купцом, было подмешано в бокал с вином успешно. Доза рассчитывалась на взрослого мужчину, так что на юношу должна была подействовать с гарантией. Но Винокуров не выпил бокал до дна — успел отпить лишь треть, когда средство взяло свое. Остатки вина разлились, когда он потерял сознание. Дополнительного снадобья у купца не имелось, а значит, и влить добавку, чтобы быть уверенным, что парень не проснется в самый неподходящий момент, было нечем.

Оттого дальше действовали в спешке. Парня унесли в спальню, быстро раздели и не стали убирать одежду — чтобы так же быстро одеть обратно, когда все закончится. Раздевали юношу слуги, сам купец при этом не присутствовал и револьвера не видел, как и никаких указаний насчет оружия не давал. Видимо просто не подумал, что парень может иметь при себе огнестрельное оружие. Потому, когда Винокуров пришел в себя, он и получил возможность быстро вооружиться.

— Второе, — продолжал доверенный человек, — никто не предполагал, что, очнувшись, юноша станет действовать так жестко. И уж точно никто не мог предположить, что он сам тотчас кинется в полицию. Обычно дворяне полицию не жалуют. Потому и среагировать вовремя, выставить парня убийцей, у наших людей времени не осталось.

Он помедлил и добавил:

— Вполне вероятно, сэр, все дело в том, что подставить парня решили через подростка. Очнись Винокуров в обществе одних только девиц, он бы столь остро не реагировал.

Тут сэр Крэмптон мысленно поморщился.

Идея в последний момент заменить подставу через девиц на мальчишку была его. Когда он отдавал первый приказ, то действовал по привычному сценарию. Нужно подставить конкретного человека — получи на него порочащие сведения. А для таких, как Винокуров, которые верны своим невестам и женам, нет ничего надежнее образа измены. Сила привычки, что поделать, велика во многих из нас.

Но потом сэр Крэмптон понял свою ошибку.

Он ведь не самого Винокурова собирался шантажировать. Ему нужно было выставить юношу в максимально неприглядном свете в глазах русской аристократии. А для этого ночь с обычной девицей не годилась. Ну, создаст это у парня проблемы в личной жизни — и что? В свете его пожурят, посудачат за спиной, и только. А вот если выставить юношу мужеложцем, тогда у него точно загорится земля под ногами.

Тут и церковь подключится. И те же славянофилы в стороне не останутся. И невеста от него отвернется. Как итог — парень не только станет изгоем общества, но и его проект реформы подвергнется большой опасности. Противники реформы станут давить особенно сильно. Упирать на то, что как это возможно: принимать труд человека с такой репутацией? Да разве смог бы содомит придумать что-то годное?

И, в конце концов, насколько бы хорош ни был вариант реформы юноши, император не сможет его принять — государя просто не поймут. Либо придется вносить в реформу существенные корректировки, чтобы она перестала походить на изначальную работу. Что тоже было бы очень неплохо.

А сам Винокуров был бы вынужден срочно покинуть Петербург. И мало того — домой ему возвращаться тоже стало бы невместно. С такой репутацией его и собственные родители не приняли бы. А уж подкинуть созданные фотокарточки нужным людям, не засветив себя, люди сэра Крэмптона сумели бы. Вопли юноши о подставе мало кто стал бы слушать.

Тот же купец, которому и предстояло все организовать, был проинструктирован, что говорить дальше: дескать, предложил парню сделку, а Винокуров в обмен на максимально выгодные для купца условия потребовал себе юнца для развлечений.

Натянуто? Да и пусть. Британец знал, что среди людей бывают причуды куда более экзотичные и мерзкие. Особенно среди тех, кто забрался очень высоко. Главное — факты. А факт был бы в том, что Винокуров занимался соитием с подростком.

Увы, не вышло. Из-за цепи случайностей план был провален. Такое, к сожалению сэра Крэмптона, случалось очень часто. Можно просчитать людей, но нельзя просчитать, что жертва отхлебнет лишь треть бокала, что у купца не окажется второй дозы, что юноша окажется куда крепче, чем выглядел, и что он, вместо того чтобы бежать домой зализывать стыд, первым же делом отправится в полицию.

Крэмптон дослушал доклад молча, потом отпустил доверенного и лег, хотя сна уже не было.

Утром он уже принимал новый доклад.

Приказ о ликвидации свидетеля выполнен. Человек, через которого отдавались распоряжения купцу, больше ничего не скажет. Теперь полиция не сможет вытянуть из него ни одной нити, ведущей к английской набережной.

Посланник выслушал это, глядя на залитое утренним светом окно.

— На время ничего не предпринимать в отношении Винокурова, — распорядился он. — Пусть ситуация уляжется. Пусть парень расслабится.

Он сделал паузу.

— К тому же его скоро должен ждать суд. Раненый купец все же умер.

И вот тут уже можно будет поиграть. Узнать состав будущего суда. Подкупить, кого нужно, чтобы вынесли максимально жесткий приговор. А когда юношу отправят на каторгу, лишив всех титулов и званий — помочь ему с вызволением.

Сэр Крэмптон усмехнулся про себя. Из этого тоже мог бы выйти неплохой вариант вербовки. Человек, которому сначала сломали жизнь, а потом другие люди великодушно протянули ему руку, бывает очень благодарен. И очень полезен. Главное, чтобы он не узнал, «чьи уши торчат» в самом факте попытки его подставы.

Мужчина поднялся из-за стола и подошел к окну. Город за стеклом просыпался, не подозревая, что в одном из особняков на английской набережной о нем уже снова начали думать как о шахматной доске.

***

Петербург. Доходный дом, где живет Роман

Утром я сдержал слово. Проснулся рано, хотя заснул лишь под утро. В доме еще было тихо, и я, одевшись, вышел на кухню, где уже хлопотала Настя. Она, судя по лицу, тоже почти не спала — глаза у нее были усталые, но ждала она меня спокойно, без вчерашней тревоги, будто за ночь собралась с духом.

Я сел напротив и рассказал все. Без лишних подробностей — они ей ни к чему, а некоторые так и вовсе не для женских ушей.

— Купец заманил меня под предлогом сделки, — начал я. — Напоил чем-то за столом. Когда я очнулся, то увидел голую девицу и фотографа.

Настя тихо ахнула, прижала ладонь к губам.

— Роман…

— Погоди, — я поднял руку. — Дальше — больше. Я понял, что меня хотели снять на фотографию и опозорить. Вскипел, оделся, и на выходе наткнулся на того купца. Не удержался — выстрелил в него.

Она побледнела.

— Ты… убил его?

— Не знаю, — честно ответил я. — Ранен он был тяжело. Потом, когда я немного пришел в себя, понял, что наделал, оценил все трезво — и сам пошел в полицию. Подал заявление первым, чтобы не дать им выставить меня убийцей.

Настя молчала, глядя на меня огромными испуганными глазами.

— Сегодня намерен разбираться, кто это решил меня подставить и ради чего, — закончил я. — Так что не пугайся, если меня долго не будет.

Она подалась ко мне и сжала мою руку.

— Я переживаю за тебя, — тихо сказала она.

— Все будет хорошо, — я накрыл ее ладонь своей. — Справлюсь. Вспомни — я всегда решал возникшие проблемы.

И она поверила. Я видел это по тому, как медленно разжались ее пальцы и как она наконец выдохнула. Я ведь ей правду сказал. Уже не раз у меня случались проблемы — и каждый раз я их решал. Настя помнила это не хуже меня.

Потом я засел за записки.

Первая — Венявскому. Коротко, по делу: на репетиции я присутствовать не смогу или сильно задержусь. Но Анастасия прибудет непременно, так что пусть труппа разучивает мелодии, что мы вчера подобрали, а она пробует свои партии. Вторая — Синицыну. Стряпчий Куропаткин занят делом по регистрации привилегии, и тревожить его не хочу, вот и решил обратиться ко второму знакомому мне местному «юристу». К тому же Синицын как раз занимается частными делами, и если он свободен, то пусть поможет разобраться, что мне теперь грозит по закону, а после — соберет доказательную базу, чтобы наказание за стрельбу в купца вышло не суровым.

Записки я отправил с дворовыми мальчишками, приказав передать в руки и ждать ответа.

Уже одевшись и собравшись ехать в полицию, я вдруг остановился у самой двери. Вспомнил про Елену Павловну.

Да, она сказала, что видеть меня больше не желает. Что ж, я к ней и не собирался напрашиваться. Но вдруг ночное происшествие связано с моей реформой? Других причин, кому я мог настолько перейти дорогу, чтобы меня решились подставить столь жестоким образом, у меня не было. Ни одной.

Я вернулся к столу и написал третью записку. Ей. Кратко, как и положено, без жалоб и просьб: была попытка очернить меня, кто именно — неизвестно, причину не знаю, но подозреваю, что тот, кто это задумал — враг реформы. И только после этого, отдав и ее мальчишке, я велел Тихону ехать в полицейский участок.

В полицию я пришел до смены дежурных, а потому меня встретил знакомый офицер кивком, не расспрашивая цель моего визита.

— Ваше дело передано следователю, — сказал он, мельком заглянув в бумаги. — Господин Свиридов. Второй этаж, третья дверь налево.

Поблагодарив офицера, я поднялся по лестнице, отыскал нужную дверь и постучал.

Следователь оказался человеком лет сорока, сухопарым, с аккуратно подстриженной бородой и усталым, но цепким взглядом. Когда я представился, он даже оживился.

— Господин Винокуров, — произнес он, поднимаясь из-за стола. — Рад, что вы пришли сами. Избавили меня от необходимости вызывать вас. Присаживайтесь.

Я сел на жесткий стул напротив. Следователь расположился за столом, разложил перед собой бумаги и принялся опрашивать меня — все по порядку, с самого начала. Сначала про то, как я поехал к купцу, кто меня пригласил, что было за столом.

— Вы нуждаетесь в деньгах? Вас не смутило такое требование купца? — спросил меня Свиридов.

Хорошо, что Александра уже просветила меня, какую ошибку в социальном плане я совершил. А потому у меня было время подобрать ответ, пусть и не идеальный.

— Нет, в деньгах я не нуждаюсь, но дело в том, что у меня уже один раз украли мою идею. У меня возник страх, что если я не заключу подобную сделку сейчас, то укравшие мою идею с первой версией двигателя меня обгонят и еще станут на ней и зарабатывать. Понимаю, что звучит безумно, но страх — иррациональная вещь.

Следователь покивал, и я продолжил отвечать на его вопросы. Рассказал про то, как очнулся и что именно увидел и услышал, как отбивался и стрелял. Свиридов слушал внимательно, периодически задавал короткие уточняющие вопросы и делал записи в протоколе.

Когда вопросы иссякли, я подался чуть вперед. Вот и настало время мне самому узнать ответ, который мучал меня всю ночь.

— Позвольте спросить, — начал я. — Известно ли уже, кто заказал купцу все это? Кто велел очернить меня?

Следователь отложил перо и посмотрел на меня прямо.

— Я не вправе разглашать тайну следствия, — сказал он медленно, из-за чего мое настроение поползло вниз. Потом помолчал, оглядел меня, что-то прикидывая, и добавил уже тише: — Но дело это насквозь мерзкое. И как дворянин я вас понимаю. Потому — в частном порядке, если вы не станете болтать — могу кое-чем поделиться.

— Я никому ничего не собираюсь говорить, — тут же заверил я его, обрадовавшись. — И буду признателен, если вы хоть что-то приоткроете.

Он кивнул и снова взял паузу, глядя в окно.

— Человек, чье имя назвал купец, найден мертвым. Повесился. Никаких документов на купца при нем не обнаружено. А потому слова купца о том, что этот человек его шантажировал, ничем не подтверждены. И уже никогда не будут подтверждены. Сам купец скончался. В муках.

Я стиснул челюсти.

— Стало быть, концы обрублены, — проговорил я.

Самого купца мне было не жаль. Он готов был не только меня подставить, но и отдал приказ, чтобы подросток совершил противный ему поступок. Это чуть ли не изнасилованием можно назвать.

Следователь не ответил, только развел руками.

— Ваша пуля попала ему в кишки, — продолжил он уже будничным тоном. — Приехавший врач инструментов для операции при себе не имел. А даже если бы они и были — подобное ранение почти всегда заканчивается мучительной смертью. От него выживают только чудом, божьей милостью.

Он снова глянул на меня.

— Скажите, господин Винокуров, вы специально целились в живот или нет?

Я покачал головой.

— Я вообще не целился. Стрелял на эмоциях, в его фигуру. Куда уж попадет пуля, меня волновало в последнюю очередь.

Свиридов кивнул, словно услышал то, что и ожидал, и сделал какую-то пометку. На том мы и расстались.

Я вышел из участка, вдохнул морозный воздух и долго стоял на крыльце, глядя на пустую улицу. Толком узнать мне ничего не удалось. И, как я понял по той короткой оговорке следователя, уже не удастся. Раз тайна следствия — значит, все подробности я услышу разве что на суде. Да и то не все. А раз так, встреча с Синицыным теперь была не просто желательна. Она была необходима.

Я поднял воротник шинели и зашагал к карете, на ходу прикидывая, успел ли стряпчий получить мою записку и где с ним удобнее встретиться.

Глава 4

18 января 1860 года

Петербург

В кафе на встречу с Синицыным я приехал, когда утренняя толпа уже схлынула, и зал был почти пуст. Артем Михайлович ждал меня за дальним столиком у окна — пил кофе, поглядывая на улицу. Увидев меня, он отставил чашку и поднялся.

— Роман Сергеевич, — произнес он, пожимая мне руку. — Ваша записка, признаться, меня заинтриговала. Присаживайтесь.

Внешне с нашей последней встречи парень не изменился. Все такой же молодой, уверенный в себе и своих знаниях. Я сел напротив и без долгих предисловий изложил все, что со мной приключилось. Про купца, про опоенное вино, про девицу с фотографом, про подростка и про выстрел. Синицын слушал, не перебивая, только изредка хмурился и потирал подбородок.

Когда я закончил, он помолчал, потом кивнул.

— Возьмусь, — сказал он просто. — Дело, конечно, паршивое, но не безнадежное.

И тут же поднял палец.

— Только сразу предупреждаю, Роман Сергеевич: представлять вас в суде у меня возможности не будет, — и тут же пояснил свою ремарку, — а то встречались мне заказчики, которые думали, что вместо них перед судьями предстану и буду ответ держать.

Лично для меня это тоже стало новостью. В будущем нанятые юристы сопровождают клиента во время каждого заседания, а тут выходит все иначе? Ранее я стряпчего не нанимал для суда, а потому и не знал об этой особенности.

— И в чем же тогда будет заключаться ваша работа? — спросил я.

Синицын усмехнулся.

— Вижу, вы тоже были в плену такого заблуждения. Но не думайте, будто моя помощь совсем вам окажется не нужна, — продолжил он. — Да, я во многом буду ограничен. Так, у меня нет прав знакомиться с материалами дела. Я не могу присутствовать при допросе свидетелей и оспаривать их показания. В суде у меня и голоса-то, почитай, не будет.

Он откинулся на стуле.

— Но моя работа и обязанность — грамотное составление бумаг. А это, поверьте, крайне важно. Неправильно оформленная бумага, не вовремя поданная, способна обернуться против ответчика похлеще иного свидетеля. Писать прошения, заявления, ходатайства — вот это моя стезя.

Он сделал глоток кофе и продолжил:

— Кроме того, как стряпчий я имею право узнавать, на каком этапе находится ваше дело. А поскольку частными делами я занимаюсь давно и уже успел обзавестись связями, то в неофициальном порядке могу выяснить для вас немного больше, чем можно узнать из протокола.

Я взвесил его слова. Звучало честно и, пожалуй, это лучше, чем если бы я остался в плену своих иллюзий. И насчет бумаг Артем Михайлович прав.

— Хорошо, — сказал я. — На таких условиях я согласен. Тогда ответьте прямо: что мне грозит по закону?

Синицын посмотрел на меня серьезно и весь подобрался.

— Исходя из того, что вы мне рассказали, вам может грозить и каторга.

Я невольно сжал челюсти. Вот так в нашей стране всегда! Попробуй только тронь мерзавца пальцем — и сразу сам в застенки попадешь. Но дальнейшие слова стряпчего немного утихомирили мой гнев.

— Да, каторга. Но это при самом суровом наказании. Потому что вы стреляли в купца, когда непосредственной угрозы вашей жизни и достоинству уже, по сути, не было, — пояснил

он. — В ту минуту вы стояли с револьвером, а он — безоружный, и нападения на вас в тот самый миг не совершал. Вот это и можно повернуть против вас.

Он помолчал, давая мне переварить эти сведения, и продолжил уже мягче:

— Но если доказать, что вы стреляли на эмоциях, а также из страха, что купец тотчас натравит на вас своих слуг, выходит, угроза все же еще сохранялась. И тогда ваша стрельба — превышение самообороны.

Я подался вперед.

— Это, как я понимаю, гораздо лучше? И что тогда меня ждет?

— Тогда все иначе, — кивнул Синицын. — Арест на несколько суток, в худшем случае. А то и вовсе одно покаяние перед батюшкой за грех смертоубийства. Учитывая, как все было, — тут он понизил голос, — я бы ставил именно на это. И не стоит забывать, что вы — дворянин. И судить вас будут равные по статусу. И поверьте моему опыту, снисхождение вам обеспечено.

Я выдохнул. На душе, впервые за эти сутки, стало чуть легче.

— Благодарю, Артем Михайлович, — сказал я. — Вы мне здорово помогли.

Я рассчитался с ним за консультацию и, не откладывая, нанял для ведения дела. Синицын принял ассигнации, еще раз коротко оговорил, что возьмет на себя всю письменную часть, о чем мы тут же подписали документ, и постарается разузнать, чем дышит следствие.

Больше сидеть в кафе не было смысла, и мы поднялись из-за стола. На улице он пожал мне руку крепче прежнего.

— Не терзайте себя, Роман Сергеевич, — сказал он на прощание. — Пороть горячку сейчас не надо. Делайте свои дела, а бумажную сторону оставьте мне.

Я кивнул и пошел к карете. В голове впервые за утро выстроилась какая-то ясность. Каторга или покаяние — очень разное по степени тяжести наказание. И теперь во многом от Синицына зависит, какую из этих мер я получу.

***

Петербург. Михайловский дворец

Елена Павловна читала записку Романа, стоя у окна своего кабинета. Утренний свет падал на листок, и ей не нужно было перечитывать написанное дважды — юноша излагал коротко и по делу, как всегда.

Она дочитала, опустила руку и покачала головой.

Снова влип. И снова, судя по всему, по собственной глупости и юношеской горячности.

Великая княгиня вздохнула. Гнев ее, тот, что появился от излишней скрытности парня, успел остыть. Да и не мальчишеская это была обида — по-своему она понимала, почему тогда распалилась: слишком многое на него ставила. А когда ставят много, чужие промахи кажутся предательством.

Но сейчас, глядя на скупые строки, она не злорадствовала и не качала укоризненно головой, как могла бы еще неделю назад. Она думала.

То, что юноша предупредил ее, великая княгиня оценила. Значит, Роман умеет учиться на своих ошибках. А ведь мог снова промолчать. Или пустить ситуацию на самотек и ждать, пока слухи долетят до дворца сами, приукрашенные и перевранные. Но он написал. И главное — он не просил. Ни денег, ни заступничества, ни свидания. Сообщил о попытке очернить его и о том, что подозревает врага реформы. И все. А это, как ни странно, трогало сильнее любых просьб. Значит, помнил о ней не только как о покровительнице, к которой стоит бежать, лишь возникли первые проблемы. Учитывал, что меж ними есть общие дела, которые не терпят тайн. Значит, что-то между ними все-таки осталось — не служба, а доверие.

Елена Павловна подошла к столу и взяла колокольчик, позвонив в него. Вошел слуга.

— Пригласи ко мне стряпчего, — распорядилась она. — Того, что ведет мои бумаги. Немедленно.

Слуга поклонился и вышел, а она еще раз глянула на листок в своей руке.

Помочь она решила не из жалости. Просто дело, в которое ввязался Роман, уже давно не было только его делом. Враги реформы — если он прав — целили не в юношу. Целили в то, что стояло за ним. И здесь Елена Павловна не намерена была оставаться в стороне.

Вскоре в кабинет вошел стряпчий — сутуловатый, в темном сюртуке, с портфелем под мышкой.

— Ваше императорское высочество, — поклонился он.

— Вот что, голубчик, — произнесла Елена Павловна, не оборачиваясь. — Есть у меня к вам поручение. Деликатное.

Она наконец повернулась и в упор посмотрела на него.

— Поезжайте к Роману Сергеевичу Винокурову. Вчера ночью его пытались подставить — грязно, жестоко. Сам он, наверное, нанял стряпчего, юноша он не глупый. Но со всеми случается промашка и лишняя опытная рука ему не помешает. Помогите ему. Бумаги, советы, связи — все, что сможете. И держите меня в курсе.

Стряпчий выслушал молча, только чуть поджал губы.

— Слушаюсь, ваше высочество. Позвольте уточнить — говорить господину Винокурову, от кого помощь?

Елена Павловна помолчала.

— Скажите, — ответила она. — Пусть знает.

Стряпчий поклонился и вышел, а великая княгиня снова повернулась к окну.

Обида прошла. Осталось то, что всегда остается, когда человек дорог не сам по себе, а по делу, которое он тянет за собой. А впрочем, может, и сам по себе — в этом она себе признаваться не спешила.

***

Петербург. Зимний дворец

Долгоруков просил аудиенции немедленно, и государь принял его в рабочем кабинете, едва успев отпустить предыдущего докладчика.

Василий Андреевич вошел, поклонился и без долгих предисловий доложил о ночном происшествии. Он говорил сдержанно, как и подобало человеку, привыкшему к тому, что каждое его слово ложится на чашу весов, но по мере рассказа в голосе его все явственнее проступала та особая настороженность, с какой докладывают о делах, чреватых последствиями не только для одного человека.

Александр Николаевич слушал молча, сидя за столом и опираясь на него руками. Лицо его делалось все темнее.

Когда Долгоруков закончил, государь несколько секунд молчал, и в этой тишине слышно было, как за окном скрипит под ветром обледенелая ветка.

— Англичане, — произнес он наконец, и в голосе его звякнул металл. — Они посмели вмешаться в дела государства. В дела моей страны.

Он резко встал и пробуравил князя взглядом, будто это он был виновен в происшествии.

— Что ж, я вас услышал. И согласен с вашим помощником, что это не прихоть. Не случайная подлость. Они целились в реформу. В то, над чем работает Винокуров. Тут действительно все на поверхности, если знать, кто стоит за этим делом. Юноша вхож ко мне, его проект лежит у меня на столе — и тут вдруг появляется какая-то грязная фотография с мальчишкой, будто по заказу. Это удар не по нему, князь. Это удар по всему, над чем он трудится.

— Вы правы, ваше величество, — негромко поддакнул Долгоруков, хотя еще минуту назад выражал мнение своего офицера с осторожностью.

Государь прошелся по кабинету, заложив руки за спину.

— Забирайте дело у полиции, — приказал он. — В свое отделение. Раз тут замешана политика, то это уже не уровень обычных городовых. Пусть у вас разберут этот клубок все до последней нити. Мне нужна полная картина: кто, через кого, с чьего ведома.

— Слушаюсь, ваше величество.

Александр остановился.

— И еще, — сказал он. — Вызови ко мне Горчакова. Немедленно.

Долгоруков поклонился и вышел. А государь еще с минуту стоял неподвижно, глядя перед собой, и в груди его медленно закипал холодный, давно знакомый гнев — не тот, что срывается на крик, а тот, что остается надолго, готовый выплеснуться в действия при первой удачной возможности.

Министр иностранных дел явился быстро. Горчаков вошел, подтянутый, несмотря на возраст, с папкой под мышкой, и по лицу его было видно, что он уже догадывается: вызов в неурочный час не сулит ничего обыденного.

Государь не стал тянуть.

— Англичане решили подставить моего подданного самым мерзким способом. Надо дать им ответ.

— Это доказано? — спокойно уточнил Александр Михайлович.

Император досадливо поморщился.

— Прямых улик *пока* нет, — выделил он слово. — Но Василий Андреевич работает над этим.

— Тогда предлагаю не делать официальных заявлений, — сказал Горчаков. — Ноты протеста, врученной без свидетелей с угрозой высылки, будет достаточно.

Пожевав губами, Александр Николаевич медленно кивнул.

— Тогда вручите английскому посланнику эту ноту, — сказал он. — Сегодня же. Пусть знают, что мне известно об их участии в ночном деле против Винокурова.

Горчаков и бровью не повел.

— Будет исполнено, ваше величество. Позволю уточнить — насколько резким должен быть тон?

— Достаточно резким, чтобы они поняли: еще один такой шаг — и разговор пойдет иначе, — отрезал государь.

Министр поклонился, приняв приказ к исполнению.

Оставшись один, Александр Николаевич снова подошел к столу и опустил взгляд на бумаги, разложенные по углам. Среди них лежал и проект Винокурова — уже знакомый, исчерканный пометками.

Мужчина думал.

Если англичане решили взять Романа на крючок, если они потратили силы на то, чтобы сломать его так грубо — значит, идеи юноши не пусты. Значит, в них есть то, чего за океаном всерьез опасаются. А то, чего опасается Англия, России обычно стоит принять к сведению — и приглядеться пристальнее.

Он вспомнил недавнюю встречу с братом Константином. Тому вариант реформы, предложенный Винокуровым, тоже пришелся по душе. Константин Николаевич в делах разбирался въедливо, на слово не верил и восторгам не поддавался. А тут говорил о проекте с уважением.

Выходит, пора начинать претворять его в жизнь.

Государь прошелся по кабинету, обдумывая, как быть дальше.

Отменять суд он не станет. Суд должен идти своим чередом — иначе пойдут толки, что Винокурова выгораживают, а это ударит по нему же. Но и бросать юношу на произвол судей, которые могут не знать всей подоплеки, было нельзя.

Нужно как-то наградить Романа. Дать судьям понять: государь своего расположения к этому человеку не скрывает. Пусть знают, кто стоит за его спиной. И если все же вынесут суровый приговор — что ж, тогда он даст Роману понять, что тот может рассчитывать на императорское помилование. Стоит лишь написать прошение.

Александр Второй сел за стол и придвинул к себе чистый лист. Мысль еще не до конца оформилась, но уже ясно было одно: отныне Винокуров — не просто юноша с проектом. Отныне он — человек, за которого стоит держава. И это следовало дать понять всем, кто еще вчера считал его легкой добычей.

***

Петербург. Доходный дом, где живет Роман

Домой я вернулся уже к обеду. В прихожей, сняв шинель, я сразу понял, что в гостиной у нас гости: оттуда доносился негромкий разговор, и Настя, вышедшая мне навстречу, предупредила шепотом:

— Тебя дожидается стряпчий. От Елены Павловны.

Я удивленно поднял брови, но больше ничего не сказал и прошел в гостиную.

Навстречу мне поднялся человек лет пятидесяти, сутуловатый, в темном сюртуке и при портфеле. Он поклонился сдержанно, но почтительно.

— Роман Сергеевич, — представился он. — Меня зовут Старухов Валерий Валерьевич. Меня прислала ее императорское высочество Елена Павловна. Узнав о ваших обстоятельствах, она сочла, что опытная рука в таком деле лишней не будет, и велела предложить вам мою помощь.

Я кивнул, а внутри разлилось тепло. Не ожидал, что после случившегося великая княгиня проявит ко мне хоть какой-то интерес и заботу.

— Передайте ее высочеству мою благодарность, — ответил я. — И скажите, что от ее помощи я не отказываюсь.

Стряпчий слегка поклонился.

— Однако, — продолжил я, — у меня уже есть свой человек. Мой стряпчий — Артем Михайлович Синицын. Он уже взялся за дело.

Стряпчий княгини понимающе качнул головой.

— Разумно, — согласился он. — Ее высочество догадывалась, что вы так поступите. На такой случай мне велено помочь вашему человеку. Я прошу у вас его адрес и сопровождающую записку. Тогда я свяжусь с господином Синицыным и предложу ему содействие. Вдвоем такие дела ведутся споро.

Естественно, что отказываться я и не подумал. Продиктовал господину Старухову, где найти Синицына, и он аккуратно записал все в маленькую книжечку, извлеченную из кармана. Потом защелкнул ее, спрятал и взялся за портфель.

— Полагаю, на этом я могу откланяться, — сказал он. — Не смею более вас задерживать, Роман Сергеевич.

Я проводил его до двери. Уже на пороге мужчина обернулся.

— Еще раз, — произнес он негромко, — ее высочество просила передать: она в курсе и без внимания вас не оставит.

С этим он и вышел, а я закрыл за ним дверь и наконец выдохнул. Елена Павловна все же не осталась в стороне. Обида ее, выходит, все-таки прошла. И от этого на душе, как ни странно, стало спокойнее.

***

Петербург. Особняк на Английской набережной

Вечером того же дня сэру Крэмптону доложили, что его желает видеть министр иностранных дел Горчаков. Посланник принял гостя в кабинете, с любезной улыбкой, как и подобало принимать человека, с которым его связывали пусть и холодные, но формально дружеские отношения.

Александр Михайлович вошел с папкой в руке и сразу перешел к делу. Лицо его было непроницаемо, но в голосе звенела та особая учтивость, за которой не остается ничего, кроме льда.

— Господин Крэмптон, — произнес он, — мне поручено государем передать вам ноту протеста вследствие ваших действий в отношении верноподданного Российской империи.

Он достал из папки листок и положил его на край стола.

— Российская сторона располагает сведениями о причастности британских подданных к ночному происшествию в доме купца Сычева. Государь-император со всем вниманием относится к случившемуся и ожидает объяснений.

Сэр Крэмптон взял ноту, неторопливо пробежал ее глазами и поднял на Горчакова взгляд, исполненный самого искреннего, насколько возможно, изумления.

— Простите, князь, — сказал он, разводя руками. — Я решительно не понимаю, о чем речь. Британские подданные? Ночное происшествие? Впервые слышу. Смею вас заверить, это какое-то недоразумение.

Горчаков не улыбнулся.

— Тем лучше, — ответил он. — Если это недоразумение, я буду рад получить от вас объяснения, где находились ваши люди в эту ночь, которые смогу передать государю. Надеюсь, ваши слова подтвердятся. Эти сведения вы можете подать и сами в третье отделение полиции, что расположено на набережной Фонтанки.

Он поклонился и вышел, а сэр Крэмптон еще некоторое время сидел неподвижно, глядя на закрывшуюся дверь.

И только когда стихли шаги в коридоре, он медленно скомкал ноту и швырнул ее на стол.

Ярость поднялась в нем мгновенно, беззвучно, как поднимается вода в половодье. Где-то их агенты прокололись. Где именно — уже неважно. Цепочка оборвалась, но, выходит, все же привела к нему. Иначе Горчаков не явился бы сюда так быстро и с такой уверенностью. Да еще не требовал фактически выдать всю агентуру Британии русским жандармам буквально на блюдечке!

Сэр Крэмптон сжал пальцы в кулак и заставил себя выдохнуть. Конечно, своих агентов он сдавать не будет. Что для русских уже станет косвенным признанием, но предъявить напрямую им пока нечего. А там — посмотрим.

Вот только операцию по Винокурову пора сворачивать.

Завербовать юношу теперь точно не удастся. После такой ноты, после того, как русские ясно дали понять, что все знают — любая попытка сблизиться будет выглядеть еще одним признанием. Да и сам Винокуров, даже если остался в неведении о роли Крэмптона, теперь окружен таким вниманием, что подойти к нему незаметно не выйдет.

Устранить его в ближайшей перспективе — тоже невозможно. Если с ним хоть что-нибудь случится, это мгновенно ударит по отношениям между Англией и Россией. В первую очередь подумают на них. И будут правы.

Оставалось лишь одно — взять паузу. Выждать, пока уляжется шумиха вокруг Винокурова, пока уйдет из глаз эта назойливая полицейская возня, пока русские успокоятся и решат, что опасность миновала. А потом — вернуться к этой теме. Через полгода, не раньше. Только в этот раз действовать следовало сразу и наверняка. Никаких больше тонких планов, никаких попыток вербовки, никакой возни с купцами и фотографами. Только устранение.

Сэр Крэмптон поднялся, подошел к окну и долго смотрел на темную Неву. Лед на реке был серым и мрачным, как и само настроение дипломата.

Глава 5

19 — 20 января 1860 года

Петербург. Доходный дом, где живет Роман

Утром мы вышли из дома вдвоем. Вчера Настя так и не решилась пойти на репетицию без меня. Сказала, что не сможет сидеть там и учить слова, когда голова занята другим — ожиданием новостей от меня. И весь день в итоге просидела дома у окна. Но сегодня она собиралась уже со мной, и по тому, как тщательно она выбирала шаль и трижды поправляла прическу перед зеркалом, я видел: волнуется больше, чем за всю дорогу до столицы.

Александра с Софьей естественно отправились с нами.

— У нас точно все выйдет? — спросила Настя уже в карете, когда мимо поплыли заснеженные фасады. — Как думаешь, Генрик не сильно на нас ругаться будет?

— Надеюсь, что нет, — ответил я. — И не переживай — у нас все получится, потому мы и едем репетировать, чтобы потом краснеть не пришлось.

По дороге я велел Тихону свернуть к мастерской Костовича. Хотел заехать туда до репетиции: одна мысль не давала мне покоя со вчерашнего дня.

Виталий Степанович встретил меня в мастерской, вытирая руки о фартук. В углу стоял, отработав, наш двигатель, и запах выхлопных газов стоял такой, что Настя осталась в санях, зажмурив носик едва только попыталась переступить порог.

— Роман Сергеевич, — обрадовался инженер. — А я уж думал сам к вам идти, или записку писать. Составил я список, о котором мы договаривались!

— Погодите со списком, — сказал я. — Сначала ответьте на один вопрос. Вы искали покупателей на двигатель? Ходили к кому-нибудь, предлагали?

Костович замер с тряпкой в руке.

— К покупателям? — переспросил он. — Нет. С чего вы взяли?

— Ко мне позавчера вечером явился приказчик московского купца Сычева. И этот купец сказал, что узнал обо мне и о моем двигателе от вас. Что вы ищете людей, заинтересованных в его покупке.

— Ничего подобного, — решительно мотнул головой Виталий Степанович. — Никаких покупателей я не искал. Мы ведь с вами так условились: я составляю список производств, где двигатель можно применить прямо сейчас. Без имен, без разговоров. Вот он, — мужчина кивнул на стол, где лежали исписанные листы, — вчера закончил и думал уж вам его отнести.

Я нахмурился.

— Тогда откуда купец узнал про нас?

Инженер поглядел на меня внимательно, потом отложил тряпку.

— А вот это, Роман Сергеевич, дело нехитрое. Я о работе над двигателем сведений ни от кого не скрывал. Ни от поставщиков, у которых материалы на него брал, ни от мастеровых, ни от знакомых мастеров, которые заходили поглядеть на диковину. И про то, что строю его по вашей идее и что мы собираемся искать покупателя, я тоже говорил не по секрету — мне и в голову не приходило таиться. Так что через третьи руки купец мог прознать обо всем запросто.

— Но почему он тогда на вас сослался?

Костович чуть усмехнулся и развел руками.

— Ну, тут я могу лишь догадываться, но то загадка не хитрая. Думаю, чтобы вы ему поверили. Пришел бы он к вам просто так, с улицы, вы бы его за порог выставили. А сослался на человека, которого вы знаете — и вот уже разговор завязался. Нехитрый прием, его часто дельцы пользуют.

Я помолчал, обдумывая его слова. Выходило складно. Слишком складно, если честно, но другого объяснения у меня не было.

— Вот что, Виталий Степанович, — сказал я. — Прошу вас с этого дня широко о нашем деле не распространяться. Пока привилегия не получена, про двигатель знать должны только те, кому положено.

Инженер кивнул без всяких возражений.

— Разумно. Я-то, признаться, весь в работу ушел. Очень интересную задачу вы поставили. И об ином и помыслить не мог. Но впредь буду нем, как рыба.

Мы распрощались, и я вернулся в сани. Настя сидела, уткнувшись носом в воротник.

— Что-то не так? — спросила она.

— Пока не понял, — ответил я честно. — Поехали, нас ждут.

Тихон нахлестнул лошадей, и мы покатили к залу Дворянского Собрания.

На репетицию мы подъехали, когда мороз уже отпустил, солнце стало пригревать необычайно сильно и даже с крыш закапало. В вестибюле пахло воском, духами и протопленной печью; швейцар принял у меня шинель, потом принял верхнюю одежду и у Насти с Александрой. Своей дочке раздеться кузина помогала уже сама.

Венявский нашелся в зале — стоял у сцены и что-то втолковывал Тишкову, поводя смычком в воздухе. Увидев меня, он бросил разговор на полуслове и пошел навстречу. По лицу его я понял: вопросов о моем «прогуле» не избежать.

— Роман Сергеевич, — сказал он, пожимая руку. — Рад, что вы все же появились здесь. Анастасия, здравствуйте, — он коротко поклонился ей, от чего она слегка зарделась, и снова повернулся ко мне. — Признаться, я в недоумении. Вы же сами инициировали нашу работу, а тут вдруг потерялись. Я уж думал, что мы до концерта так и будем репетировать без вас.

— Прошу прощения, но обстоятельства сложились так, что я не мог вчера прийти, — уклончиво ответил я.

— Они были настолько важны, что вы готовы жертвовать репетицией концерта для цесаревича? — Венявский прищурился, но без нажима, скорее с любопытством. — Обычные ваши хлопоты так планов не ломают. И вы мне не показались ветреным юношей. Что же произошло?

Я помолчал. Мне совсем не хотелось еще раз кому-то пересказывать историю про купца, вино и фотографа. Каждый пересказ — это лишний человек, который знает. А чем больше людей знает, тем скорее по Петербургу поползет кривотолк, и тогда не отмоешься: где молва, там и предположения, а где предположения, там и сам черт не разберет, кто прав.

— Случилась неприятность, — сказал я ровно, так как Генрик все также ждал моего ответа. — Довольно серьезная. Но говорить о ней сейчас я не хочу.

Венявский посмотрел на меня внимательно, потом кивнул.

— Хорошо, — сказал он просто. — Я понимаю, мы с вами не настолько друзья, чтобы вы передо мной душу открывали. Да и, положа руку на сердце, не всякий друг должен знать все, — он улыбнулся одними уголками губ. — Я не настаиваю.

Я был ему благодарен за это. Генрик вообще умел не лезть туда, куда не звали — редкое качество, особенно в человеке, который привык разбирать чужую музыку по нотам и докапываться до всякой фальши. Был бы на его месте Модест, то вот он мог и продолжить меня пытать.

— Одно только уточню, — добавил он. — Пропуски еще будут?

— Пока не предвидится, — ответил я. — А если вдруг так сложится, что не смогу — предупрежу заранее. Обязательно.

Венявский кивнул, ставя точку, и перешел к тому, ради чего мы собрались.

— Тогда довольно о неприятностях. Нас ждут куда более серьезные дела.

Он повел меня к сцене, и с той минуты все пошло своим чередом. Музыканты уже сидели на местах — не все, я не видел Бродникова, но остальной костяк труппы был в зале. Настя скромно устроилась на скамье у окна с листами в руках, и я заметил, как она оглядывается, прикидывая, где тут что, будто примеряясь к будущему.

Сначала прошлись по партиям. Генрик разложил на пюпитре наши черновые листы и стал показывать, что он успел добавить за время моего отсутствия и почему решил так сделать. Кое в чем я с ним согласился, но все же большую часть «новинок» убрал. Мне хотелось получить максимально близкое к «эталонному» звучание.

Дальше уже раздали нотные листки музыкантам и принялись за первый «прогон». Вот тут уже я уступил руководство Генрику. У него получалось лучше подсказать музыкантам, в каком месте они не дотягивают ноту, где желательно ускориться, а где — наоборот, сбавить темп.

Первые попытки исполнить композиции вместе с голосом мы предприняли спустя полтора часа. Сначала — только мои сольные партии. А позже и Настю подключили к работе. Не скажу, что все было плохо, но начало положено. Думаю, за недельку мы худо-бедно песни разучим, а дальше останется лишь довести их исполнение до идеала, да составить из них программу, правильно определив позицию каждой песни. Единственная, кому было немного скучно — Софья. Но Александра сумела добыть где-то треугольник и в стороне тихонько обучала дочку наигрывать простенькую мелодию на нем.

Домой мы вернулись уже в сумерках. Настя всю дорогу молчала — устала и под конец чуть не сорвала голос, от чего Венявский чуть ли не в приказном порядке заставил ее прекратить репетицию, да и до утра вообще не напрягать связки. Мне было чуть легче, несмотря на то, что петь пришлось больше.

У крыльца, едва Тихон осадил лошадей, я увидел знакомую фигуру: Артем Михайлович стоял под фонарем, постукивая портфелем по голенищу сапога, и дышал в воротник.

— Роман Сергеевич, — сказал он, завидев меня. — Дождался-таки. Мне бы словом с вами перемолвиться.

Я провел его наверх, чтобы он хоть немного отогрелся в доме. Настя, едва переступив порог, ушла к себе переодеться, Александра побежала на кухню и загремела там посудой, а мы с Синицыным устроились в гостиной у стола с лампой.

Он не стал тянуть.

— Дело ваше забрали из полиции, — сказал он без всяких предисловий.

Я поднял на него удивленный взгляд.

— То есть как — забрали? Куда?

— В третье отделение. К жандармам.

Я на секунду онемел. Во всей этой истории появление жандармов я ожидал меньше всего. Обычный ночной скандал, нечистый на руку купец, выстрел со смертельным исходом — какое тут дело для тех, кто ведает государственной смутой?

— Почему? — спросил я. — Что им до смерти купца? Или… — тут я вспомнил, как государь был недоволен моей связью с персами, — дело не в купце, а во мне?

Синицын расправил плечи, и я поймал в его лице ту особую гордость, с какой человек, к которому обыкновенно относятся как к писаке, вдруг чувствует себя причастным к большому делу.

— А вот тут, — произнес он значительно, — Валерий Валерьевич мне и пригодился. Жандармы, конечно, молчат так, будто воды в рот набрали. Ни слова из них не вытянешь. Но у господина Старухова свои знакомые в третьем отделении, и он-то кое-что разузнал.

Он сделал паузу, которую явно смаковал.

— Купец тот не по своей прихоти решил вас очернить. Вас хотели подставить англичане, Роман Сергеевич.

Я откинулся на спинку кресла.

— Англичане? — повторил я, пытаясь сообразить, а они каким боком тут появились. — Вот как.

Синицын кивнул, довольный произведенным впечатлением.

— И о том уже доложено государю. Оттого он и распорядился забрать дело у городовых. Сами посудите: если обнаружатся доказательства, что вас пытались подставить подданные чужого государства — это, почитай, международный скандал. А государь наш не любит, когда чужаки лезут во внутреннюю политику. Ох как не любит. Так что теперь вашим делом займутся люди серьезные.

Я молчал. Пусть не сразу, но в голове постепенно стала проступать общая картина. Я гадал, для чего купцу было меня подставлять? Думал — тот решил так поступить, чтобы ничего мне не платить и более того — я сам отдавал ему свою долю прибыли. Правда эта версия разбивалась признательной речью купца, что не он — заказчик. Но можно было тогда предположить, что кто-то из весомых людей столицы на меня затаил обиду. Просто потому, что в глазах многих я — выскочка, неоправданно быстро взлетевший наверх. А уж насколько могут быть обидчивы люди, особенно обличенные властью, я наслышан. И от эпохи это не зависит. Но вот если в дело и правда замешаны иностранцы, то кое-какие предположения, зачем это понадобилось им, у меня появляются.

— А зачем англичанам я? — спросил я вслух, надеясь, что Артем Михайлович выдаст еще что-нибудь.

Но Синицын лишь развел руками.

— Этого, Роман Сергеевич, я вам не скажу. Жандармы молчат, а Старухову знать лишнее не положено — он лишь передал, что ему слышать довелось. Думаю, тут не о кошельке речь. Тут дело государственное.

Вот здесь я с ним спорить не видел смысла. И было лишь одно, что могло не понравится британцам — моя работа над реформой.

Артем Михайлович тем временем поднялся и взялся за портфель.

— Но вы не тревожьтесь, Роман Сергеевич. Раз дело у третьего отделения, то спустя рукава они работать не будут. Разберутся, кто и через кого это хотел провернуть. А я обещаю держать вас и дальше в курсе — как только что-нибудь услышу, сейчас же дам знать.

— Благодарю, Артем Михайлович, — сказал я, поднимаясь проводить его.

— Не за что. Это, почитай, моя работа, — улыбнулся он и вышел.

Я прикрыл за ним дверь и постоял в темной прихожей.

Из кухни вышла Александра, вытирая руки о полотенце. Взгляд у нее был все тот же — оценивающий, спокойный.

— Жандармы? — спросила она, и по лицу ее я понял, что она слышала разговор через неплотную дверь.

— Они самые, — подтвердил я.

Александра помолчала.

— Роман, — сказала она наконец, — не хочу тебя пугать, но если за дело взялось третье отделение, то они будут искать не правду, а крамолу. И если не подтвердится, что за попыткой тебя подставить стоят англичане, то могут и тебя обвинить, что ты их за нос водишь.

— Ты, видимо, не все слышала. Не я обнаружил в деле «туманный след». Если кого они и должны будут винить — то самих себя. И скажи, ты разве не рада, что за дело взялись всерьез? У меня раньше вообще предположений почти не было, зачем купцу понадобилось такое вытворять.

— Я рада, что за дело взялись всерьез, — ответила она. — Но не рада, что теперь твоей жизнью интересуются те, от кого лучше держаться подальше.

Она ушла к себе, а я остался стоять у окна, глядя на темный двор. За окном мороз после наступления сумерек вновь вошел в свои права и затянул лужи льдом. Похоже, завтра нас ждет гололед. Как бы не поскользнуться. И на нем, и в отношениях.

***

Утром, едва мы сели завтракать, в дверь постучали.

Я вышел в прихожую и, когда открыл дверь, увидел на пороге человека в форменном сюртуке с медными пуговицами — из тех, что служат при канцеляриях и никогда не приходят просто так. В руках он держал плоский кожаный портфель.

— Господин Винокуров? — осведомился он, сверившись с бумажкой.

— Он самый.

Курьер вынул из портфеля конверт и подал мне обеими руками, будто это была не бумага, а что-то живое.

— Из канцелярии Его Императорского Величества, — сказал он голосом, преисполненным важности и достоинства.

Это меня самого заставило выйти из расслабленного состояния и отнестись к бумаге со всем почтением.

Конверт был плотный, шершавый на ощупь, из той бумаги, которую делают не для писем, а для дел. На сгибе — сургучная печать, оттиснутая донышком тяжелого перстня, и на ней был различим государственный орел. Я расписался в книге, которую курьер раскрыл передо мной, и думал, что тот уже откланяется, но курьер ждал, пока я прочту.

Настя и Александра уже вышли в прихожую — женское любопытство неистребимо, а уж рядом со мной, как сказала Настя, всегда что-то происходит.

— Что это? — спросила моя любимая, заглядывая мне через плечо.

— Сейчас узнаем, — ответил я и надорвал конверт.

Внутри лежал лист — плотный, высокого качества, с водяным знаком, который проступал на свет тонкими линиями. Формата он был не крупного, примерно пол листа писчей бумаги. Почерк — ровный, каллиграфический, писарский, с теми удлиненными хвостиками у букв, какие вырабатываются годами упражнений. Внизу листа стояла подпись, сделанная другой рукой, размашистее и живее, немного иными чернилами: «Александръ». И рядом — сургучная печать, малая императорская. У бумаги даже было собственное название: высочайший рескрипт.

С неким предвкушением, даже не зная — положительным или же просто азартным, я начал читать:

«Роман Сергеевич!

Внимание Мое давно уже обращено было на труды ваши по составлению проекта отмены крепостного права. Ныне, ознакомясь с оным во всей полноте, Я с особым удовольствием усмотрел, что вы, не облекаясь обязанностью службы, единственно по искреннему сознанию долга пред Россиею, посвятили познания и силы ваши делу, близко касающемуся благосостояния ее.

Обдуманность предлагаемых мер, ясность и точность изложения, равно как и полное понимание потребностей государства, коими ознаменован сей труд, внушили Мне доверие к нему и побудили обратить на него особое Мое внимание.

В изъявление душевной Моей признательности и совершенного благоволения за труды ваши на пользу отечества, Я всемилостивейше жалую вам золотую медаль «За усердіе», для ношения на шее на ленте ордена Св. Владимира.

Пребываю к вам благосклонный

Александръ».

Читал я молча, а потому, когда поднял взгляд, то увидел недоумевающие глаза Насти и кузины.

— Жалуют медаль, — ответил я на их молчаливый вопрос. — За проект.

Курьер, который все также топтался у двери, будто только этих моих слов и ждал и тут же шагнул вперед.

— Позвольте, ваше благородие, — произнес он и полез в портфель. — Вот и сама награда.

Он извлек из бархатного мешочка медаль и подал мне на ладони, как подают на подносе. Золото было тяжелым и холодным на ощупь. На лицевой стороне, в профиль, был оттиснут сам император — борода, пробор, спокойное лицо. Я перевернул медаль: на обороте вилась надпись «За усердіе». Круглая, крупная, размером почти с мою ладонь в поперечнике. В верхней части была проушина, в которую была вставлена и сама лента, чтобы носить медаль на шее — бордовая, из шелка, с черными широкими полосами по краям.

— Благодарю, — сказал я.

Курьер поклонился, подобрал свой портфель и вышел. Дверь закрылась, и в прихожей стало тихо.

Я обернулся.

Настя стояла с открытым ртом. Но Александра… Александра смотрела на медаль так, будто перед ней разверзлась икона. У нее даже руки отнялись от полотенца, которое она держала, и то медленно поползло на пол. Я в жизни не видел у нее такого лица — не изумления даже, а какого-то растерянного благоговения. Кажется, она в эту минуту впервые по-настоящему осознала, что ее кузен не просто так возился вечерами над какими-то бумагами, а реально работал над делом, которое способно перевернуть жизнь всей страны. И мои слова про «дело государственной важности» — не пустое бахвальство юнца.

— Роман, — первой заговорила Настя, — это ведь от самого государя?

— От него, — кивнул я.

— Значит, об этом обязательно надо сообщить домой! — она всплеснула руками, а на ее лице расплылась счастливая улыбка. — Твоим родным, батюшке, всем! Завтра же сходим на телеграф и отправим телеграмму!

— Сходим, — согласился я. — Только ты этим и займись. Составь текст, а я может от себя пару строк добавлю. Все-таки если я лично о таком писать буду, то боюсь, мне могут не поверить.

Настя зарделась, но тут же подобралась и деловито кивнула, будто только этого поручения и ждала.

Александра все продолжала молчать. Потом нагнулась, подняла с пола полотенце и сказала негромко:

— Вот уж не ожидала, что стану жить под одной крышей с человеком, отмеченным самим государем. Я ведь изгнана из рода. Не дворянка даже.

— Ты лучше — ты моя кузина, — ответил я ей.

— Ты ко мне излишне добр, — вздохнула она и ушла, покачивая головой, все еще не веря тому, что увидела.

Глава 6

20 января 1860 года

Петербург. Доходный дом, где живет Роман

До завтра, вопреки словам Насти, мы ждать не стали. Телеграмму она составила быстро. Ей хватило всего десяти минут, чтобы подобрать слова, после чего она положила листок передо мной.

— Вот. Только ты все же проверь, да и сам говорил, что хочешь пару строк добавить.

На листе был адрес — «Дубовка. Поместье Винокуровых», и далее текст: Государь пожаловал Роману золотую медаль «За усердие» за проект реформы и подкрепил его высочайшим рескриптом. Искренне горжусь вашим сыном и своим женихом. Анастасия.

Я прочитал дважды, потом взял перо и не нашел, что еще добавить. Только если от себя отдельную телеграмму писать, а лучше — письмо. Но оно долго идти будет, поэтому сомневался, стоит им заморачиваться. В итоге черканул пару строк для второй телеграммы: жив, здоров, работаю. Мои труды оценены. Люблю вас, ваш сын.

— Этого мало, — сказала Настя, заглядывая мне через плечо. — Отец твой, когда такое прочтет, подумает, что мы шутим. Надо как-то посолиднее.

— Ты считаешь, будто он не поверит мне? — хмыкнул я в ответ. — Я ни разу его не обманывал. И такими вещами не шутят.

— Ну хоть прибавь, что бумага от самой канцелярии пришла и что курьер был в мундире с медными пуговицами. Такие детали выглядеть будут убедительно.

— Тогда платить придется за каждое слово, — сказал я. — А курьер с пуговицами — это как раз то, что в телеграмме никому не нужно. Уж внешний вид, потребный в службе, описан широко и в дополнительных уточнениях не нуждается.

Из кухни вышла Александра, вытирая руки о полотенце. Взглянула на лист через мое плечо и хмыкнула.

— А по мне — так нормально получилось. Кратко и без пафоса. Такому веришь сильнее, чем чрезмерному выпячиванию своих достоинств.

Настя на это ничего не сказала, только сложила лист вчетверо и убрала в ридикюль. И весь завтрак поглядывала на него, будто боялась, что бумага возьмет и пропадет.

Мы вышли из дома ближе к одиннадцати часам. На улице было ветрено, а вчерашняя краткая «оттепель» сказалась на всех прохожих: кто-то старался идти аккуратно, не поднимая от земли глаз, кто-то уже барахтался на льду, проклиная все на свете. Одни сани занесло и те врезались в стену дома. Видя все это, я приказал Тихону не гнать. Уж лучше мы опоздаем, чем попадем в аварию.

— На Почтамтскую, — велел я парню, когда все расселись в карете. — Потом в Собрание.

У Гостиного двора отпирали лавки, и оттуда тянуло теплым — хлебом, кожей, духами из какой-то модной лавки в первом этаже. Настя посмотрела на витрину и вдруг сказала:

— Домой хочу.

— Мы обязательно вернемся, — пообещал я ей. — Вот все дела завершим, и сразу отправимся.

— Нет, — сказала она через минуту, — не вернемся. Столица тебя не отпускает. То дела с этой реформой, то вот — подготовка к концерту. Еще и суд ожидается. Я уж и не знаю, что еще нас ждет, когда все это завершится. Уж и нет большой надежды, что вернемся.

Возразить что-то я не смог и тогда спросил:

— Тебе здесь плохо?

— Суетно, — вздохнула Настя. — Не привыкла я к такому. И боюсь, как бы у тебя опять какая-нибудь напасть не случилась. Дома-то и стены помогают, а здесь… мы словно маленькие дети среди великанов живем. И любой из них нас может раздавить, даже не заметив.

Так вот как она воспринимает местных дворян. Хотя, чему удивляться, если я почти сразу попал в орбиту Великой княгини и фактически общаюсь только с кем-то из высшего света нашей страны. Потому отвечать я не стал, лишь покрепче сжав ее ладонь.

Телеграфная контора помещалась в двух больших комнатах, где всегда стоял тот особый запах — сургуча, чернил и разогретого железа. За перегородкой стучал аппарат, здесь царила привычная суета, как на телефонных станциях в будущем, еще до того, как появились мобильные телефоны. Когда подошла наша очередь, на нас глянул из-за конторки чиновник в вицмундире, с чернильным пятном на большом пальце, и Настя сразу притихла, будто в церкви.

— Куда-с?

— В Дубовку, Саратовской губернии, — сказал я и положил лист на конторку.

Чиновник надел очки, прочел, шевеля губами, и быстро записал первое послание.

— Это все?

— Нет, есть еще одна, туда же, — сказал я, подавая второй лист.

Подсчитав количество слов, чиновник назвал цену, я расплатился и с чувством выполненного долга понес подготовленный бланк шифровальщику.

— Жаль, что папе так же не сообщишь, — вздохнула Настя, когда мы покинули телеграфную станцию.

— Ничего, — постарался я ее ободрить. — Скоро он сам приедет. А лично все рассказать — это не парой сухих строк передать.

Любимая улыбнулась и согласно кивнула. Мы забрались обратно в карету, Тихон подобрал вожжи, и я ему скомандовал:

— К Собранию. Нам еще песни разучивать.

***

Рязань

Очередной город они снова встретили поздним вечером. Дилижанс, скрипя и переваливаясь, втянулся во двор постоялого двора, и ямщик, не слезая с козел, крикнул в темноту, чтобы выходили хозяева.

Ирина разбудила Арину, которая спала, привалившись к ее плечу, и первая выбралась наружу. Затем и девушка двинулась на выход. Ноги после тряски не держали, а юбка отсырела снизу до колен — они периодически выходили по пути, где Арина разминала ноги, проваливаясь в снег, а потом в тепле дилижанса он таял. Постояв немного, держась за грязный борт кареты, вдыхая промозглый, талый воздух, Арина сокрушенно покачала головой. За время в пути она успела возненавидеть этот дилижанс и этих лошадей, и подушки, набитые так скудно, что каждая доска в сидении отдавала в поясницу, и почтового смотрителя, и походную еду. Но еще больше ее нервировало, что пока так и не удалось воплотить свой план в жизнь.

Дорога почти кончилась. Завтра они сядут на поезд, на котором с пересадками доберутся до столицы. А там уже ничего не сделать. Только сегодняшняя ночь и оставалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.